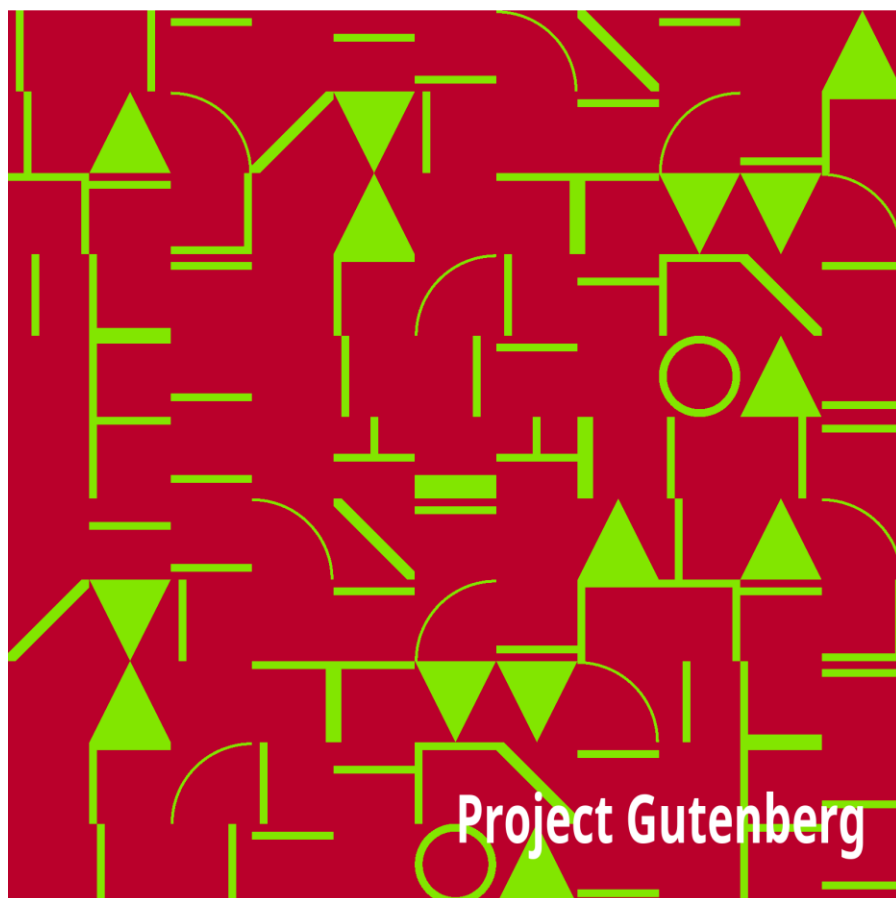

Преступление против Европы. Возможный исход войны 1914 года

Роджер Кейсмент

**The Crime Against Europe: A Possible
Outcome of the War of 1914**

Roger Casement

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Преступлении против Европы: возможный исход войны 1914 года

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Преступление против Европы: возможный исход войны 1914 года

Автор: Роджер Кейсмент

Дата выхода: 18 января 2005 г. [Электронная книга № 14728]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Старнер, Уильям Флис и команда корректоров, занимающаяся онлайн-распространением

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЕВРОПЫ: ВОЗМОЖНЫЙ ИСХОД ВОЙНЫ 1914 ГОДА" ***

THE Преступление против Европы

Возможный исход войны 1914 года

BY СЭР РОДЖЕР КЕЙСМЕНТ

ЗАЩИЩЕНО АВТОРСКИМ ПРАВОМ 1915 ГОДА

Введение.

Читатель должен помнить, что эти статьи были написаны до начала войны. Они в некотором смысле пророческие и демонстрируют замечательное понимание условий, которые привели к нынешней великой войне в Европе.

Писатель посвятил изучению европейской истории всю свою жизнь, а обучение на английской консульской службе позволило ему собрать факты, на которых он основывает свои аргументы.

Сэр Роджер Кейсмент родился в Ирландии в сентябре 1864 года. В 1889 году он был назначен консулом при Лоренцо Маркесе, после чего был переведен на аналогичную должность в

португальских владениях в Западной Африке, которые включали консульство в Габуне и Свободном государстве Конго. Он занимал этот пост с 1898 по 1905 год, когда ему было предоставлено консульство Сантоса. В следующем году он был назначен консулом в Хайти и Сан-Доминго, но не продолжил работу, отправившись вместо этого в Пара, где он служил до 1909 года, когда стал генеральным консулом в Рио-де-Жанейро. Он был произведен в рыцари в 1911 году.

Он был одним из организаторов ирландских добровольцев в Дублине в ноябре 1913 года, входя в их временный комитет. В настоящее время он является членом руководящего органа этой организации. Лето этого года он провел в Соединенных Штатах. Сэр Роджер в настоящее время находится в Берлине, где после визита, нанесенного им министерству иностранных дел, канцлер Германии добился опубликования заявления о том, что "если немецкие войска достигнут берегов Ирландии, они придут не как завоеватели, а как друзья".

Сэр Роджер хорошо известен своим расследованием зверств в каучуковом районе Путомайо в 1912 году.

Декабрь 1914 года.

Глава I

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ И ОСНОВА МИРА

Поскольку война, о которой говорится на этих страницах, началась и общественное мнение Америки серьезно потрясено войной, которая, по его мнению, вызвана исключительно определенными фазами европейского милитаризма, автора убедили опубликовать эти статьи, которые, по крайней мере, имеют то достоинство, что были написаны задолго до события, в надежде, что они смогут изложить более полезную точку зрения. Ибо если в чем и можно быть уверенным, так это в том, что европейский милитаризм является причиной этой войны не больше, чем любой предыдущей. Европа сражается не для того, чтобы посмотреть, у кого лучшая армия, или просто для проверки военной эффективности, а потому, что определенные народы желают определенных вещей и полны решимости получить и удержать их, прибегая к силе. Если бы армии и флоты были небольшими, война все равно разразилась бы, при том что стороны и их претензии, намерения и позиции были бы такими, какие они есть. Чтобы найти причины войны, мы должны разобраться в мотивах воюющих сторон, и если мы хотим добиться прочного мира, необходимо обнажить основы, на которых его можно построить, раскрыв те основы, на которых мир был нарушен. Чтобы найти причины войны, мы должны обратиться не к Официальным книгам или Официальным документам, содержащим тщательно отобранные заявления тех, кто несет ответственность за сокрытие от общественности истинных проблем, которые побуждают нации нападать друг на друга, но должны искать скрытые цели самих этих наций.

Как только мотив будет найден, нетрудно будет сказать, кто именно нарушил мир, что бы дипломаты ни выдвигали вместо настоящей причины.

Война была, по правде говоря, неизбежна, и стала неизбежной много лет назад. Это было вызвано не ошибками или вспыльчивостью государей или их дипломатов, не потому, что в

Европе были великие армии, а потому, что определенные державы, и одна Держава в частности, питали амбиции и предъявляли претензии, которые влекли за собой не только постоянно растущее вооружение, но и обеспечивали все возрастающую враждебность. В этих случаях мир, если бы он был разрешен, рассеял бы амбиции и опроверг притязания, так что это был только вопрос времени и возможности, когда те, чьи цели требовали войны, найдут повод для ее начала.

Как выразился мистер Бернард Шоу в недавнем письме в прессу: "После того, как мы сделали все, что было в наших силах, чтобы сделать войну неизбежной, теперь бесполезно умолять людей не устраивать беспорядков, а приехать в Лондон, чтобы сэр Эдвард Грей любезно, но твердо поговорил с нами".

Чтобы найти мотив, достаточно мощный, чтобы ввергнуть всю Европу в войну за короткий промежуток времени в несколько часов, мы должны искать его не на страницах "белой книги", охватывающей период всего в пятнадцать дней (с 20 июля по 4 августа 1914 г.), а в длительной предшествующей деятельности, которая привела великие державы Европы к определенным обязательствам друг перед другом. Для целей этого расследования мы можем исключить сразу трех из действительных комбатантов, как просто "соучастников после свершившегося факта", а именно: Сербию, Бельгию и Японию, и ограничить наше изучение причин конфликта целями и мотивами пяти основных комбатантов. Ибо ясно, что в ссоре между Сербией и Австрией Венгрия является лишь второстепенным вопросом в более широком вопросе, который разделяет Европу на вооруженные лагеря. Если бы требовались категорические доказательства того, какую незначительную роль ссора между Веней и Белградом сыграла в более масштабной трагедии, их можно было бы найти в настоятельной настойчивости самого российского правительства в самом начале дипломатических переговоров, предшествовавших началу военных действий.

Уже 24 июля российское правительство пыталось убедить Великобританию заявить о своей полной солидарности с Россией и Францией, а на замечание британского посла в Санкт-Петербурге о том, что "прямые британские интересы в Сербии равны нулю, и война в интересах этой страны никогда не будет санкционирована британским общественным мнением", российский министр иностранных дел ответил, что "мы не должны забывать, что речь идет об *общеевропейском* вопросе, сербский вопрос является лишь частью первого, и что Великобритания не может позволить себе отстраниться от проблемы *сейчас под вопросом*." (Депеша сэра Г. Бьюкенена сэру Э. Грейю, 24 июля 1914 г.).

Эти проблемы касались гораздо более серьезных вопросов, чем отношения Сербии к Австрии, нейтралитет Бельгии или желание Японии сохранить мир на Востоке путем захвата Киао-Чау.

Нейтралитет никогда не становился военным вопросом до тех пор, пока война не была решена и фактически не разразилась; в то время как Япония вступила в соревнование исключительно потому, что Европа любезно предоставила ее, и потому, что одна европейская держава предпочла, в своих собственных целях, укреплять азиатскую расу, а не видеть, как родственные белые люди, которых она боялась, становятся сильнее под солнцем.

Переходя затем к пяти великим воюющим сторонам, мы можем быстро сократить их до четырех. Австро-Венгрия и Германия в этой войне неделимы. Хотя у каждого из них могут быть разные цели по многим пунктам и амбиции, которые, возможно, сильно расходятся, у обоих есть одна

общая черта - самосохранение, которое связывает их гораздо теснее, чем просто формальные "союзники". В этой войне Австрия сражается по необходимости как германская держава, хотя вызов ей был брошен на основании ее славянских обязательств и деятельности. Германия вынуждена поддерживать Австрию в силу закона необходимости, который становится понятным при взгляде на карту Европы. Следовательно, для целей аргументации мы можем представить конфликт как конфликт между германскими народами Центральной Европы и теми, кто с ними поссорился.

Таким образом, мы приходим к вопросу: "Почему такие странные союзники, как Англия, Россия и Франция, должны воевать с немецким народом?"

Ответа на этот вопрос нет ни в "Белой книге", ни в каких-либо заявлениях, публично выдвинутых Великобританией, Россией или Францией.

Но ответ должен быть найден, если мы хотим найти причины войны и если мы надеемся установить какой-либо прочный мир на руинах этого мирового конфликта.

Принять в качестве объяснения войны утверждение о том, что у Германии есть хорошо обученная армия, которой она не пользовалась почти полвека, и что ее народ настолько одержим восхищением ею, что жаждет испытать это на своих соседях, - значит принять в качестве объяснения отупляющее противоречие. Конечно, гораздо проще возложить вину на кайзера. Этот ход мыслей очень популярен: он также согласуется с тонким вульгарным инстинктом.

Немецкий народ можно избавить от позора ответственности за войну, которую он явно не делал ничего, чтобы спровоцировать, представив его как жертву автократии, закованную в кольчугу и неподконтрольную ему. Таким образом, мы приходим к "настоящему преступлению против Германии", которое объясняет все, кроме того, что оно намеревалось объяснить. Оно оставляет необъясненным реальное преступление против Европы.

Чтобы объяснить причины войны, мы должны найти причины союзов Англии, Франции и России против Германии.

Ибо причиной войны является этот союз — это и ничто другое. Защита *Сердечного согласия* заключается в том, что это невинный пакт о дружбе, предназначенный только для отражения угрозы Тройственного союза. Но ответ на это заключается в том, что, хотя Тройственный союз был сформирован тридцать лет назад, он никогда никому не объявлял войну, в то время как *Тройственная антанта* еще до того, как ей исполнилось восемь лет, вовлекла Европу, Америку, Африку и Азию в мировой конфликт. Мы должны найти мотив для союза Англии с Францией и Россией в заведомо антигерманском "понимании", если мы хотим понять причины нынешней войны и почему многие, помимо Бернарда Шоу, считают, что "после того, как мы сделали все, что было в наших силах, чтобы сделать войну неизбежной", британскому правительству было напрасно на смертном одре проявлять заботу о мире, уже вырыв себе могилу и отложив лопату в сторону в пользу оружия. Когда этот мотив станет очевиден, мы поймем, кто предпочел войну миру и насколько невозможно надеяться на какой-либо определенный мир, наступивший в результате победы тех, кто обеспечил обращение к оружию.

The *Сердечный союз*, начнем с того, что он противоестественен. Между участниками этого нет ничего общего, кроме антагонизма к кому-то другому. Это неправильно названо. Это основано

не на пристрастиях, а на предрассудках - не на привязанности, а на вражде. Грубо говоря, это узы ненависти, а не любви. Ни одна из сторон в них не любит друг друга, не восхищается ими и не преследует последовательных целей, за исключением одной.

Удовлетворившись этим, они наверняка поссорятся между собой, и чем больше добычи будет получено в результате их победы, тем более вероятной будет их последующая ссора.

Великобритания в своих отношениях с большинством белых людей (не со всеми) является демократией.

Россия в своих отношениях со всеми - это автократия.

Великобритания демократична в своем управлении собой и в своих отношениях с великими белыми общинами Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. Она не демократична в своих отношениях с подвластными расами внутри Империи — в частности, с индейцами или ирландцами. Для индейцев ее правление - это правление заочной автократии, отличающейся речью, цветом кожи, религией и культурой от тех, кто подчинился ей силой; для ирландцев - это правление постоянного населения, стремящегося изгнать управляемых из их собственной страны и заменить их скотом для британского потребления.

В обоих случаях Британия явно лжет своим заявлениям о приверженности демократическим принципам. Таким образом, ее близость к России обнаруживается не в тех случаях, когда ее институты хороши, а в тех, где они плохие.

Союз, основанный на таких контактах, может принести только зло.

Таких она родила в Персии, таких она должна родить и в нынешней войне.

В Персии мы видели, как оно предало принципы демократического правления, разрушило младенческую конституцию и выпотрошило конституционалистов, в то время как оно разделило их страну на "сферы влияния", и сегодня мы видим, как оно собирает руками, еще красными от крови персидских патриотов, более красные плоды посеянных тогда семян.

Союз с Францией, хотя и более естественный, чем с Россией, если мы рассматриваем Великобританию как демократическую страну (путем устранения Индии, Египта, Ирландии), преследовал ту же преступную цель и основывался не столько на сходстве целей, сколько на сходстве антипатий.

The Сердечный союз, чем внимательнее мы его рассматриваем, тем больше убеждаемся, что он основан не на сердечном отношении участвующих в нем сторон друг к другу, а на сердечном пренебрежении, которое все три участника разделяют по отношению к партии, против которой он направлен.

Скажут, что Германия, должно быть, сделала что-то, чтобы оправдать негодование, которое могло вызвать столь странную комбинацию действий против нее самой. В чем заключалось преступление Германии против держав, которые сейчас нападают на нее? Она, несомненно, совершила много преступлений, как и все великие державы, но в чем она так тяжко согрешила против Европы, что царь, император Индии, король Великобритании и Ирландии, Микадо и

президент Французской Республики — не говоря уже о тех второстепенных властителях, которые, подобно второстепенным пророкам Вольтера, кажутся *способными действовать*, — теперь должны быть обречены на бесповоротное уничтожение ее как великой державы?

"Немецкий милитаризм", - ответ, который слетает с губ, представляет не большую угрозу цивилизации, чем французский или русский милитаризм. Она родилась не в результате агрессивных войн, а в результате войн оборонительных и объединительных. С тех пор как он был вплавлен кровью и железом в великий человеческий организм за последние сорок лет, он не применялся за пределами Германии до прошлого года.

Можно ли то же самое сказать о русском милитаризме, или о французском милитаризме, или о британском военно-морском флоте?

Нам говорят, что вещи различаются по качеству. Ответ заключается в том, как насчет намерений и использований. Германский милитаризм сохранил мир и не выходил за пределы своей собственной границы до тех пор, пока ему не угрожало всеобщее нападение. Русский милитаризм вел войны за границей, далеко за пределами российской территории; французский милитаризм, с тех пор как он был свергнут при Седане, пронес огонь и меч по всей Северной Африке, проник от Атлантики до Нила, совершил набеги на Тонкин, Сиам, Мадагаскар, Марокко, в то время как английский военно-морской флот за последние сорок лет бомбардировал береговые линии, громил порты и высаживал рейдерские отряды по всей Азии и Африке, не говоря уже о почти непрерывных кампаниях по аннексии британской армии в Индии, Бирме, Южной Африке. , Египет, Тибет или Афганистан - в течение того же периода.

Что касается качества материализма великих континентальных держав, то во французской и российской системах нет ничего, что можно было бы предпочесть немецкой системе. Каждая из них требовала огромных жертв от людей, ее поддерживающих. Однако нас просят поверить, что французский милитаризм поддерживается "демократией", а немецкий милитаризм - "автократией". Не обращаясь к плененной королеве Мадагаскара за мнением о подлинности французской демократии, мы можем ограничить этот вопрос избранными представителями двух народов.

В обоих случаях за военные кредиты голосуют законодательные органы, ответственные перед мнением Франции и Германии. Избранные представители Германии являются такими же выразителями нации, как и представители Франции, и германский рейхстаг санкционировал каждый последующий сбор на поддержку германских вооружений. Что касается русского милитаризма, то можно предположить, что никто не зайдет так далеко, чтобы утверждать, что Российская Дума более подлинно представляет русский народ, чем Парламент Федеративных народов Германии в Берлине.

Поскольку машины в таком случае являются примерно одними и теми же машинами, мы должны искать оправдание для них в тех целях, для которых они были использованы.

Для чего Франция, для чего Россия содержат великую армию? Почему Германия призывает под свои знамена так много молодых немцев? На каком основании моральной санкции Великобритания содержит военно-морской флот, стоимость которого намного превышает все тяготы германского милитаризма?

Россия простирается по всей территории Центральной Азии, а также включает в себя большую часть Европы. На своей собственной территории она неприступна, и никогда не подвергалась успешному вторжению. Ни одна держава не может грабить или ослаблять Россию, пока она остается в пределах своих собственных границ. Из всех великих держав Европы она - единственная, кто после Англии меньше всего нуждается в великой армии.

На нее нельзя с успехом напасть дома, и ей нет необходимости покидать свои собственные территории в поисках земель для колонизации. Ее население, обеспеченное своей огромной численностью и огромными ресурсами, имеет для удовлетворения всех будущих потребностей экспансии Сибирский континент, на который можно хлынуть. России нельзя угрожать внутри России, и ей нет необходимости выходить за пределы России. Российская армия численностью в 4 000 000 человек не нужна для самообороны. Ее вдохновение может быть вызвано только политикой экспансии за счет других и ее целью расширить и сохранить существующие российские границы. В тот момент, когда я пишу, она ведет не оборонительную, а захватническую войну и является инструментом политики открытой агрессии.

Не защита славян от Австрии, которая сама по себе в значительной степени славянская держава и которой не нужно учиться принципам хорошего правления у России, а включение славян в состав самой могущественной империи на земле — вот главная причина, по которой Россия содержит самую могущественную армию на земле. Его угроза Германии, как защитнице Австро-Венгрии, была очевидна, и если бы мы захотели найти причину немецкого милитаризма, мы обнаружили бы по крайней мере половину его по ту сторону российской границы.

Огромная машина французской армии, ее войска первой линии почти равны немецким, - это не вчерашний день.

Это было основано не на немецкой агрессии, хотя Германия однажды почувствовала это в Йене. Основанный королями Франции, французский милитаризм процветал при республике, империи, конституционной монархии и снова при империи, пока сегодня мы не обнаруживаем его наивысший расцвет в полном расцвете под мягким дыханием третьей республики. Какова цель этой совершенной машины? Самооборона? От какого нападения? Германия имела возможность снова и снова в течение последних тридцати лет нападать на Францию в невыгодных условиях, если даже не безнаказанно. Почему она воздержалась — чья рука удержала ее? Не Россия — не Англия. Во время русско-японской или англо-бурской войны на Францию можно было легко напасть, а ее армию разбить вдребезги. Но германский милитаризм воздержался от нанесения этого удара. Цель великой армии, по мнению Франции, заключается не в целях самообороны, а может быть, как и у России, в надежде на вооруженную экспансию. Поскольку цель в обоих случаях была одной и той же, вести агрессивную войну, которую в одном случае можно было назвать "восстановлением", а в другом - "защитой", неудивительно, что царь и президент объединились и что дело славян стало отождествляться с делом Страсбурга.

"Защитить" славян означало напасть на Австро-Венгрию (другой способ нападения на Германию), а "вернуть" Страсбург означало *международный союз* между демократом Франции и казаком Дона.

Теперь мы переходим к третьей стороне Антанты, и именно сейчас мы начинаем понимать, почему сердечное взаимопонимание с Англией сделало русско-французское нападение на

Германию лишь вопросом времени и возможности. Пока на сцене не появилась Англия, ни Россия, ни Франция, ни обе вместе взятые, не могли набраться смелости нанести удар. Желая ранить, они оба боялись нанести удар. Для этого требовалось третье мужество, более острая целеустремленность и больший иммунитет.

Германский милитаризм был слишком грозным фактором в жизни 65 000 000 самых способных людей Европы, чтобы подвергнуться легкому нападению даже со стороны Франции и России вместе взятых. Россия нуждалась в деньгах для совершенствования механизма вторжения, который был так сильно испытан катастрофической неудачей при вторжении в Корею и Маньчжурию. У Франции были деньги для наступления, но она все еще сомневалась в способности своего застойного населения в 40 000 000 человек противостоять растущему размаху великого народа по ту сторону Рейна. Нужна была еще одна гарантия — и Англия предоставила ее.

С того дня, как Великобритания и ее могучий флот присоединились к разделенным союзникам с их могучими армиями, связь между ними и кольцом вокруг Германии стала туже. С этого дня советы союзников и их новообретенного "друга" стали плотнее и оживленнее. Неподвижная "угроза по ту сторону Рейна" в одном случае превратилась в активную "угрозу по ту сторону Северного моря" в другом случае.

Грех немецкого милитаризма наконец-то был раскрыт. Он мог относиться к воде так же ласково, как и к суше. Пока военная машина гарантировала неприкосновенность территории Германии, она не представляла угрозы европейскому миру, но когда она взяла на себя задачу надежной защиты прав Германии на море, она стала врагом цивилизации. Эти торговые люди, недовольные армией, которая благоразумно замалчивала французский "реванш", и славянским "единством", мечтой о будущем, предполагали, что торговля, рожденная морем, растет не по дням, а по часам, и они осмелились построить флот для защиты и даже расширения его. *Delenda est Carthago!* С этого дня судьба "германского милитаризма" была предрешена; и Англия, демократическая Англия, легла с царем в ту же постель, на которую французская домохозяйка уже положила свое республиканское покрывало.

Продолжительность мира стала только вопросом времени, а сегодняшняя война - только вопросом возможности и предлога. У каждой из сторон соглашения была одна и та же четкая цель, которой они должны были служить, и хотя цель у каждой из них была разная, конец был один и тот же. Оборонительная мощь Германии должна быть уничтожена. Он жаждал, чтобы каждый из спящих партнеров по неподписанному договору получил свою долю добычи под охраной вооруженного немецкого мужества.

Для России - расчленение Австро-Венгрии и включение славянских элементов частично в ее собственную обширную империю, частично в вассальную и подчиненную Балканскую Конфедерацию.

Для Франции возвращение Лотарингии с Мецем и Эльзаса со Страсбургом и 1 500 000 немецкоговорящих тевтонов Французской империи.

Для Англии - уничтожение немецкой морской мощи и вместе с этим постоянное ослабление немецкой конкуренции на мировых рынках.

Между прочим, немецкие колонии исчезли бы вместе с немецким судоходством, и с исчезновением того и другого немецкий военно-морской флот стал бы бесполезным бременем для нации философов, так что будущий статус эффективности морского судоходства в Европе можно было бы оставить державе, которая следит за морями, чтобы справедливо решать вопросы для всего человечества, а также для побежденного соперника.

Таковы были в общих чертах альтруистические рамки неподписанного соглашения, заключенного тремя сторонами *Тройственной антанты*; и оставалось только подготовиться к тому дню, когда этот вопрос можно будет довести до конца. Убийство эрцгерцога Фердинанда предоставило России удобный случай, поскольку она чувствовала, что ее армии готовы, меч заточен, а Антанта надежна и обязательна.

Мобилизация России была всем, в чем нуждалась Франция, "чтобы сделать то, что могло потребоваться от нее в соответствии с ее интересами". (Ответ французского правительства германскому послу в Париже, 1 августа 1914 г.)

Если бы нейтралитет Бельгии соблюдался так же безоговорочно, как нейтралитет Голландии, Англия присоединилась бы к своим "друзьям" в нападении на Германию, что был вынужден признать сэр Эдвард Грей, когда германский посол тщетно настаивал на том, чтобы он выдвинул свои условия в качестве цены за английский нейтралитет.

Час пробил. Россия была уверена в себе, а остальное последовало автоматически, поскольку все было предусмотрено задолго до этого. Французский флот находился в Средиземном море в результате военного соглашения между Францией и Англией, подписанного, скрепленного печатью и доставленного в ноябре 1912 года и *не подлежащего рассмотрению британским парламентом до объявления войны*. Британский флот был мобилизован в начале июля в ожидании мобилизации России на суше — и здесь снова сэр Эдвард Грей случайно приводит доказательства.

В своем беспокойстве, пока все еще сохранялся страх, что Россия может взять себя в руки, он телеграфировал британскому послу в Санкт-Петербурге 27 июля, требуя от него заверить российского министра иностранных дел, что британский флот, "который, *так получилось*, сосредоточен", не покинет Портленд.

Это "как это случилось" - самая поучительная оговорка в британской Белой книге, и ее лучше всего понимают те, кто знает, каковы были секретные приказы британского флота с 1909 года, и какова была цель, когда король Георг пересмотрел ее ранее в этом месяце, и когда Его Величество так поспешно созвал неконституционную конференцию по "самоуправлению" в Букингемском дворце 18 июля. "Друзьям" ничего не оставалось, как маневрировать таким образом, чтобы Германия была вынуждена объявить войну или увидеть, как ее границы будут пересечены. Если она делала первое, то становилась "агрессором"; если она ждала нападения, то подвергалась опасности уничтожения.

Таковы, в общих чертах, причины и шаги, которые привели к началу войны. Автор видел, как эти шаги были хорошо и тщательно спланированы, проверены и опробованы заранее. Каждая ступенька лестницы, поднимавшейся для штурма немецкой обороны на суше и на море, была спланирована и отшлифована в британском министерстве иностранных дел.

Как признался сэр Эдвард Грей три года назад, он был "всего лишь мухой в колесе". Это колесо было все более стремительной целью Великобритании по уничтожению растущей морской мощи и торговли Германии. Напряжение достигло критической точки.

В течение первых шести месяцев 1914 года объем немецкой экспортной торговли почти сравнялся с объемом торговли Великобритании. Еще один мирный год, и он, несомненно, превысил бы этот показатель, и впервые в истории мировой торговли Великобритания была бы поставлена на второе место. Немецкий экспорт с января по июнь вырос до огромной суммы в 1 045 000 000 долларов по сравнению с 1 075 000 000 долларов Великобритании. Война с такими фигурами не может вестись на рынках, она должна быть перенесена на моря.

День за днем, по мере продолжения войны, хотя сейчас ей всего шесть недель, предлоги, под которыми она была начата, отбрасываются. Англия сражается не для того, чтобы защитить нейтралитет Бельгии, не для того, чтобы уничтожить германский милитаризм, а для того, чтобы сохранить, если потребуется, втянув в войну весь мир, свое верховное и бесспорное владение морями.

Это преступление против Европы, преступление против всего мира, которое, среди прочих жертв, предлагается одобрить Соединенным Штатам, чтобы завтра их собственный растущий военно-морской флот оказался в одном положении с побежденной Германией.

Учитывая, что Кильский канал "передан Дании" как один из плодов британской победы, как великодушно предположил вчера лорд Чарльз Бересфорд, сколько времени может пройти, прежде чем Панамский канал будет признан "угрозой миру" в руках тех, кто его построил?

Существующий конкурирующий флот, будь то германские или англосаксонские артиллеристы, если только Адмиралтейство, контролирующее его, не находится в Уайтхолле, всегда будет бельмом на глазу Владычицы морей, другими словами, "угрозой миру во всем мире".

Война вооружений не может быть прекращена разоружением немецкого народа. Передача Европы в руки триумфального союза русского и французского милитаризма, в то время как Англия контролирует магистрали и водные пути человечества с помощью флота, функция которого "диктовать морское право наций", действительно породит новую Европу, но Европу, молчаливое согласие которой вызвано страхом и продолжающимся давлением хорошо поддерживаемой силы - Европу, покоренную деспотизму противоестественных союзов, призванных остановить законы прогресса.

Законы прогресса требуют, чтобы восторжествовала эффективность. Преступлением Германии была превосходящая эффективность не столько в военном искусстве, сколько в продуктах мирного процесса. Если она падет сегодня перед лицом сочетания грубой силы и беспринципного интеллекта, ее падение не может быть постоянным. Германия имеет внутри себя силы, обеспечивающие возрождение, а возрождение означает выздоровление. Ни Франция, ни Россия, ни обе они вместе взятые, не могут дать Европе того, что Британия сейчас намеревается отнять у нее с их помощью.

Каким бы ни был результат этой войны на поле боя, для Франции она действительно может принести только один конец. Для нее нет будущего, кроме военной империи. Ее жизненная кровь иссякла. Эта война сметет всю силу восстановления. Она останется бессильной увеличить свою расу, лишенной новых сил для добра, кровь ее юношей уйдет на завоевание

бесплодных полей Эльзаса. Ее единственной целью в новой Европе будет держать меч, не свой собственный, над борющейся формой возрождающейся Германии в интересах другого народа. Пусть Германия потеряет 1 000 000 человек в сегодняшних боях, она может восстановить их за два мирных года. Но для Франции потери в этой войне, независимо от того, выиграет она или проиграет, не могут быть восполнены за четверть века рождения детей. Что бы ни случилось с Россией, Англией, Францией как великой свободной державой, этого больше нет. Ее будущая функция будет заключаться в том, чтобы действовать в одиночку в качестве подчиненного; поддерживаемая и поощряемая Англией, она будет вынуждена содержать большую армию для того, чтобы самые способные люди континента, население которых не может остановить никакое поражение, не заняли место в Европе и в мире, которое они, несомненно, призваны занять, и которое противоречит только британским целям и аппетитам.

Немецкая экспансия не представляла угрозы для Франции. Она была направлена в другие области, главным образом в коммерцию. Чтобы не допустить этого на эти поля, Англия раздувала угасающий огонь французского негодования и всеми силами стремилась превратить естественное чувство в активную страсть.

Историк будущего запишет, что какой бы ни была ближайшая судьба Германии, постоянной жертвой стала Франция.

В тот день, когда Англия склонила ее к активной политике мести победителю 1870 года, она довела ее до окончательного поражения. Ее истинным местом в Европе была дружба с Германией. Но это неизбежно означало открытие Европой того, что главный барьер на пути к европейскому согласию лежит не в армиях держав, а в кольце враждебных линкоров, которые загоняют ее народы в вооруженные лагерь.

Европейский милитаризм опирается на английский военно-морской дух. Английский военно-морской флот требует для своего дальнейшего существования разобщенной Европы; а Европа, держащаяся обособленно, - это Европа вооруженная, встревоженная и бдительная, настроенная на взаимное нападение, ее глаза устремлены наземлю. Европа должна обратить свой взор к морю. Там лежит шоссе наций, единственная дорога к свободе — единственный путь к миру.

Для сдерживаемых миллионов европейцев не может быть ни мира, ни сложения оружия, ни искреннего развития торговли или культуры, пока один народ, *в Европе, но не в Европе*, защищенный от любых нападений и уверенный, что какие бы страдания они ни причиняли другим, никогда не повторятся на их собственных берегах, может безнаказанно разжигать раздоры и вызывать войны на всех концах земли, в то время как они сами наслаждаются благословениями мира.

Англия, душа и мозг этой военной конфедерации за границей, пребывает в мире у себя дома. Пока я пишу эти строки, мне в руки попадает депеша от сэра Альфреда Шарпа, корреспондента лондонской газеты во Франции. Это должно быть вывешено в каждом министерстве иностранных дел мира, в каждом храме правосудия, в каждом молитвенном доме.

"Людам в Англии трудно осознать состояние Северной Франции в настоящее время. Хотя газеты полны сообщений об опустошении и разрушениях, вызванных немецким вторжением, полное

осознание ужаса приходит только благодаря реальному опыту. Вернуться в Англию после посещения зоны боевых действий во Франции - значит вернуться в страну совершенного мира, где все нормально и где нелегко поверить, что мы находимся почти на расстоянии слышимости канонады на Эне".

(Сэр Альфред Шарп, для *Daily Chronicle* с фронта, 2 сентября 1914 г.)

Именно эта невосприимчивость к ужасам войны делает всех англичан ура-патриотами. Их никогда не беспокоят последствия воинственности. Поскольку только благодаря "реальному переживанию приходит полное осознание ужаса". Пока этот ужас не проникнет глубоко на английскую землю, ее государственные деятели, ее министры, ее члены парламента, ее редакторы никогда не будут искренне любить мир, но всегда будут планировать развязывание войны за границей, когда этого потребуют британские нужды или амбиции.

Если бы сама Англия была поставлена в такое положение, что ответственность за ее действия могла быть возложена на ее собственную землю, среди ее собственного народа и на головы тех, кто разрабатывает ее политику, тогда мы могли бы с надеждой говорить об арбитражных договорах и подписывать договоры доброй воли, уверенные, что это действительно сердечное взаимопонимание.

Но до тех пор, пока Великобритания сохраняет бесспорное право собственности на главный фактор, обеспечивающий другим по своему желанию мир или войну, в Европе могут быть только вооружения, недоброжелательность среди людей и военная лихорадка в крови человечества.

Британская демократия любит свободу на море точно в том же духе, в каком имперский Рим смотрел на зрелище кельтской свободы за пределами аванпостов римских легионов; как выразился Агрикола, нечто такое, "что можно измотать и завладеть, чтобы убрать свободу с глаз долой".

Названия меняются, но дух имперской эксплуатации, называет ли она себя империей или демократией, не меняется.

Точно так же, как Афинская империя во имя демократии стремилась навязать греческому миру рабство на море, так и Британская империя во имя демократии стремится заключить человечество в длинные стены Лондона.

Современная Спарта может быть побеждена имперскими демократами, нападающими на нее с Востока и Запада. Но пусть мир не питает иллюзий.

Если Германия падет сегодня, побежденная комбинацией врагов из Азии, Африки, Америки, Канады и Европы, это не принесет пользы ни миру, ни делу мира.

Владычица морей останется, чтобы обеспечить новые комбинации вражды, чтобы запретить единую лигу согласия, которая единственная может принести свободу и мир всему миру. Причина, породившая эту войну, останется, чтобы породить новые войны.

Следующая жертва всемирной морской мощи может оказаться не на опустошенных полях центральной Европы, а на опустошенных побережьях и подвергшихся бомбардировкам морских портах Атлантического и Тихого океанов.

Постоянный мир может быть заложен только на прочном фундаменте. Надежная основа мира между людьми может быть заложена только тогда, когда господство на море одного народа сочетается со свободой морей для всех.

Глава II

ХРАНИТЕЛЬ МОРЕЙ

Еще в 1870 году один ирландец указал, что, если английская пресса не откажется от кампании предвзятых подозрений, которую она уже тогда вела против Германии, время для взаимопонимания между Великобританией и немецким народом уйдет навсегда.

Именно Чарльз ЛEVER дал такую проницательную оценку зрителю.

В письме из Триеста 29 августа 1870 года Джону Блэквуду он сообщал:

"Будьте уверены, что *Standard* совершает большую ошибку своим антигерманизмом, и английское общественное мнение *только сейчас* имеет в Германии значение, которое, если нация однажды почувствует к нам отвращение, исчезнет навсегда".

ЛЕВЕР сохранил достаточно об ирландце, несмотря на все свои официальные связи, чтобы видеть две стороны вопроса и ценить точку зрения другого человека.

То, на что указывал ЛEVER на ранних этапах франко-германской войны, свершилось. *Стандарт* сорокалетней давности - это сегодняшняя британская пресса, где то тут, то там раздается слабый голос бессильного либерализма, вопиющего в пустыне. Германия действительно испытала глубокое отвращение, и час примирения давно прошел. Во времена ЛЕВЕРА это было сейчас или никогда; шанс, не использованный тогда, был бы упущен навсегда, и современный английский публицист не сомневается, что теперь уже слишком поздно. Его душевные искания нуждаются в другой формуле выражения — больше не в условном утверждении сомнения, а в позитивном вопрошании надвигающегося факта: "не слишком ли рано?" Он убежден, что растущий германский военно-морской флот должен быть разгромлен, но как и когда это сделать, ему не очень ясно.

Ситуация еще не совсем невыносима, и поэтому, хотя многие призывают к немедленной атаке, пока враг не стал слишком сильным, старая британская любовь к компромиссам и вера в удачу все еще держат его за руку. Американский "альянс" тоже еще может оторваться. Антанта с Францией, и без того имеющая большое значение, может быть преобразована в нечто более определенно антигерманское, и если нынешние дружеские отношения с Соединенными Штатами можно будет превратить во взаимную приверженность обеих держав общей внешней политике, то набег на Германию, возможно, никогда не понадобится. Ее и без этого можно запереть в себе. Ни у одного человека, изучающего британское мышление, не может быть сомнений в неизменном направлении британской мысли.

Это можно резюмировать одной фразой. Нельзя мириться с немецкой экспансией. Она может быть только угрозой британским интересам или достигнута за счет них. Поскольку эти интересы распространяются по всему миру, с морями вместо одежды, нет, с землей вместо подножия — отсюда следует, что куда бы Германия ни повернулась в поисках выхода, ее встречает британский вызов: "Не туда!" Британские интересы препятствуют Старому Свету; доктрина

Монро, поддерживаемая, как утверждается, британским военно-морским превосходством, запрещает Новый.

Пусть Германия приобретет угольную станцию, санаторий, здравницу, даже участок под гостиницу на каком-нибудь иностранном берегу, и "британские интересы" привлекут к себе внимание, возникнет английская ревность. На вопрос о том, как долго это состояние напряженности может длиться без срыва,, пожалуй, лучше всего можно было бы ответить на немецких военно-морских верфях. Очевидно, что около 7 000 000 представителей самой образованной расы в мире, физически сильных, умственно более крепких, однородных, хорошо обученных, высококвалифицированных, способных и энергичных и подчиняющихся дисциплине, которая основывается на высокой концепции патриотизма и формируется ею, не могут быть постоянно ограничены строго ограниченной территорией менее многочисленной расой, менее хорошо образованной, менее сильной умственно и физически и, несомненно, менее хорошо обученной, квалифицированной и дисциплинированной. Поставленная таким образом проблема допускает простой ответ; и если бы не было другого фактора, управляющего ситуацией, этот ответ был бы давным-давно дан.

Их лидерство объясняется не этическим превосходством английской расы, а благоприятным географическим положением, исходя из которого они смогли развивать и направлять свою политику экспансии.

Англия одержала победу главным образом благодаря своей позиции. Качества ее народа, несомненно, имели большое значение, но ее непревзойденное положение на лоне Атлантики, перекрывающее морские пути и приливно-отливные пути Центральной и Северо-Восточной Европы, имело большее значение.

Этим ключом она открыла мир для себя и закрыла его для своих соперниц.

Длительные войны с Францией закончились укреплением этого положения за счет уничтожения единственного существовавшего флота противника.

Европа без военно-морских сил, без судоходства стала для Англии простой западной проекцией Азии, где господствовали воинственные народы, которых всегда можно было надуть и заставить сражаться по вопросам династической чести, в то время как Англия присваивала рынки сбыта человечества. С тех пор, в течение большей части столетия, пока Европа была охвачена тем, что для могущественной Британии было племенными конфликтами, моря и побережья мира были открыты для вторжений его торговли, его колонистов, его финансов, пока, казалось, за пределами двух Америк не осталось ничего, к чему стоило бы прикоснуться. Это чрезвычайно выгодное морское положение зависит, однако, от неназванного фактора, неоспоримое обладание и использование которого Англией было истинной основой ее имперского величия. Без Ирландии сегодня не было бы Британской империи. Жизненно важное значение Ирландии для Англии понимают, но никогда не провозглашают все британские государственные деятели. Подчинить себе этот западный остров, закрывающийся от океана, и использовать его ресурсы, его людей и, прежде всего, его положение с единственной выгодой для восточного острова - такова была цель каждого английского правительства со времен Генриха VIII и далее. Жизненно важное значение Ирландии для Европы не понимается и не было понято ни одним европейским государственным деятелем. Для них это был не европейский остров, жизненно важный и необходимый элемент европейского

развития, а удел Англии, остров за островом, простое географическое выражение в титулах завоевателя. Людовик XIV, возможно, ближе всех европейских правителей подошел к осознанию своей важности в конфликте европейских интересов, когда он стремился возвести на трон Якова II в качестве соперника монарху Великобритании и противовеса британскому суверенитету в западных морях. Монтескье единственный из французских писателей осознал важность Ирландии в международных делах своего времени, и он винит в колебаниях Людовика, который не смог проявить свою силу, чтобы утвердить Джеймса на троне Ирландии и, таким образом, успешным актом вечного отделения покончить *сделом Вуазен*. Наполеон слишком поздно, на острове Святой Елены, осознал свою ошибку: "Если бы я отправился в Ирландию, а не в Египет, Английской империи пришел бы конец".

Этими двумя высказываниями французского писателя и французского правителя мы начинаем и заканчиваем упоминание Ирландии о европейских делах, которое континентальное государственное управление до сих пор использовало и до сих пор не смогло применить.

Сегодня, вероятно, нет ни одного европейского мыслителя (хотя в Германии недавно появился такой), который, столкнувшись с непреодолимым превосходством влияния Великобритании в мировых делах и относительной подчиненностью европейских прав заявленным интересам этого маленького острова, подумал бы о другом, меньшем по размеру, острове за его берегами. И все же ключ к британскому превосходству лежит именно там. Возможно, единственным из современных европейцев, кто осознал истинное отношение Ирландии к Великобритании, был Нейбур.

"Если Англия, - сказал он, - не изменит своего поведения, Ирландия еще долгое время может принадлежать ей, но не всегда; и потеря этой страны означает смерть не только ее величия, но и самого ее существования".

Я предлагаю указать настолько кратко, насколько это возможно при рассмотрении столь неожиданного предложения, что возвращение Ирландии к европейской жизни лежит в основе всех успешных европейских усилий по разрыву уз, которые сейчас сковывают каждый континентальный народ, который хотел бы заявить о себе и распространить свои идеалы, в противовес британским интересам, за пределы Европы.

Возможно, было бы неплохо сначала дать определение "британским интересам" и показать, что они не обязательно являются синонимами европейских интересов. Британские интересы таковы: во—первых, контроль над всеми морями всего мира - под полным военным и коммерческим контролем. Если это не оспаривается, мир разрешен: оспаривать это всерьез означает войну.

Следующим в порядке интересов Великобритании стоит преимущественное право на все здоровые, плодородные, "незанятые" земли земного шара, которыми еще не владеет народ, способный серьезно противостоять вторжению, с правом возврата к таким другим регионам, которые могут время от времени оказаться коммерчески желательными или финансово пригодными для эксплуатации, независимо от того, подходят они для британской колонизации или нет.

Одним словом, британские интересы предполагают, что будущее мира должно быть англоязычным. Ясно, что рано или поздно так называемые британские колонии должны развиваться в отдельные национальности, и что узлы общей короны не могут связывать их вечно.

Но, как сказал сэр Уилфред Лорье на недавней Имперской конференции: "Мы представляем вам британские институты" — английский язык, английское право, английскую торговлю, английское превосходство, одним словом — это идеал, предназначенный для человечества и выраженный словами "британские интересы".

Где бы вы ни находились, эти интересы находятся под эффективной оккупацией, и будь то Мадейра, Тенериф, Агадир, Таити, Багдад, невидимый флаг более эффективен для исключения небританского вторжения, чем видимый штандарт оккупирующего арендатора. Англия - землевладелец цивилизации, человечество - ее арендатор, а земля - ее поместье. Если это не сильно преувеличенное определение британских интересов, а на самом деле это всего лишь ярко окрашенная схема общего плана, то ясно, что Европе предстоит столкнуться с очень серьезной проблемой, если европейская цивилизация и идеалы, отличающиеся от британского типа, найдут место для своего окончательного распространения в любом регионе, облюбованном солнцем.

Фактический конфликт европейских интересов в Марокко является наглядной иллюстрацией английских методов.¹

В прошлом Франция была великим антагонистом, но поскольку сегодня она больше не в состоянии серьезно оспаривать британскую власть над заморским миром, ее используют (и вознаграждают) в борьбе, которая сейчас ведется за то, чтобы любой ценой исключить Германию с арены. Если бы Франция все еще была опасна, ей бы никогда не разрешили поехать в Альхесирас или из Альхесираса в Фес. Однако у нее есть применение в антинемецкой призовой среде, и поэтому Марокко - это цена ее найма. То, что Германия осмелилась проверить сделку или потребовать свою долю в урегулировании, наполнило британские умы глубоким возмущением, отголоски которого слышны по всему миру от Ратуши до Габуна и от Конго до Таити. Простой слух в прессе о том, что Франция может обменять Таити на немецкие товары, наполнил британский газетный мир сверхъестественным гневом. То, что Франция осмелилась предложить или Германия приняла французский остров в Тихом океане в качестве частичного исполнения обязательств, заключенных в Альхесирасе, представляло угрозу британским интересам. С Таити в руках приходящей в упадок республики, величайшей, если хотите, но все же одной из вымирающих наций, приходится мириться, но Таити, возможно, в руках Германии становится одновременно вызовом и угрозой.

И вот мы узнаем, что "Австралазия выражает протест" правительству Метрополии при одном только слухе о том, что Франция может предпочесть расстаться с одним из своих владений, чтобы завоевать расположение Германии в Марокко. Ни Франции, ни Германии не может быть позволено быть свободным агентом в сделке, которая, как бы она ни считалась существенной для их собственных интересов, может повлиять, даже тенью на море, на мировую орбиту британских интересов. Следует отметить, что эти интересы достигли такой стадии развития, что требуют, чтобы ко всем иностранным государствам, которые не могут использоваться в качестве инструментов или рассматриваться как агентства, относились как к врагам. Германия с ее растущим населением, развитой промышленностью, острыми коммерческими способностями и постоянно расширяющимся военно-морским флотом стала врагом цивилизации. Слишком сильная, чтобы подвергнуться открытому нападению на суше, она должна быть любой ценой сдержана в Центральной Европе и ограждена оградой вооруженных взаимопониманий, препятствующих более широкому росту, который, несомненно, внесет фактор конкуренции в те

британские институты и тот мировой язык, которые серьезно, если не благочестиво, рассматриваются как predetermined будущее человечества.

Ибо английский менталитет таков, что все, что делает Англия, predetermined Богом, и независимо от того, уничтожает ли она нацию или просто топит корабль, гимн действия звучит так: "Ближе к Тебе, Боже мой". Следует помнить, что в недавнем послании к королю Георгу V некоторые британские религиозные организации поздравили этого монарха с третьим столетием перевода Библии на английский язык.

Как обращения подданных, выдающихся, религиозных и культурных людей, так и ответ государя были в высшей степени информативны об умонастроении этого необыкновенного народа. Библия, как оказалось, была "величайшим достоянием английской расы". "Британская Библия" была первой и величайшей британской инвестицией, и на моральных дивидендах, полученных от ее владения, было основано имперское величие этой Островной империи. На то, что другие народы владели Библией и даже переводили ее до Англии, даже не намекалось. О том, что Библия греческого и древнееврейского происхождения, никогда не говорили шепотом. Она начиналась и заканчивалась авторизованной английской версией. Британская Библия была той Библией, которая имела значение. Это была Библия, над которой никогда не заходит солнце, Библия, которая сбила с толку индийских мятежников в пятидесятых годах и была готова сегодня выстрелить в любого другого мятежника, тевтонца или турка, осмелившегося оспорить ее утверждение о том, что кроткие унаследуют землю. Елейная прямота, превращающая слово Божье в вату для ружья, безусловно, является грозным противником, что и доказал Кромвель. Бросать вызов английскому превосходству становится не просто угрозой миру, это акт святотатства. И все же эта всемирная империя, основанная на британской Библии и английском военно-морском флоте и поддерживаемая очень негибким толкованием одной и очень умелым обращением с другой, покоится на затонувшем фундаменте, который старше обеих и, несомненно, приведет обе к окончательному кораблекрушению.

Британская империя основана не на британской Библии или британском дредноуте, а на Ирландии. Империя, начавшаяся на острове, разоренная, разграбленная и разграбляемая, закончится на острове, "который, проистекает ли это из самого гения почвы, или влияния звезд, или из того, что Всемогущий Бог еще не назначил время ее преобразования, или что Он все еще сохраняет ее в этом беспокойном состоянии для какого-то тайного бедствия, которое через нее придет в Англию, трудно узнать, но все же его следует опасаться". Так, 340 лет назад Эдмунд Спенсер, чья муза извлекла прибыль из ирландского поместья (одного из первых плодов империи) и у которого, как у поэта, хватило воображения понять, что когда-нибудь настанет день расплаты и что первый ограбленный может первым же и расплатиться. Империя, основанная на Ирландии Генрихом и Елизаветой Тюдор, расширилась до могущественных размеров. Англия, лишенная Ирландии, возвращается к своим естественным пропорциям могущественного королевства. Все еще обладая Ирландией, она всегда остается империей. Ибо точно так же, как Великобритания перекрывает проходы в северную и западно-центральную Европу, чтобы по своему желанию задерживать торговлю и блокировать порты на каждом побережье от Балтийского моря до Бискайского залива, так и Ирландия стоит между Великобританией и большими морями запада и перекрывает для нее океанские магистрали. Сильная, независимая и самодостаточная Ирландия, член европейской семьи наций, возвращенная к своим сородичам, была бы самой надежной гарантией здорового развития

европейских интересов в тех регионах, откуда они сегодня исключены антиевропейской политикой Англии.

Отношение Ирландии к Великобритании так и не было понято на континенте. Политика Англии на протяжении веков заключалась в том, чтобы скрывать истинный источник своих поставок и предотвращать проверку сделок с более отдаленным островом. Еще во времена правления Елизаветы Тюдор это отрезание Ирландии от контактов с Европой было неизменным пунктом английской политики. Трем "немецким графам" с письмами от королевы, посетившим Дублин в 1572 году, лорд-наместник не позволил своими глазами увидеть что-либо за стенами города.²

Представление острова как страны, пораженной нищетой, населенной беспокойной и невежественной расой, которую она с безвозмездной заботой стремилась цивилизовать, возвысить и дать образование, было основным элементом дипломатической торговли Англии с момента зарождения современной дипломатии. Заставить Ирландию вести торговлю только с ней самой; перекрыть все прямые сообщения между Европой и этим вторым из европейских островов до тех пор, пока не останется другого канала, кроме как через Британию; навязать самое ужасное политическое и экономическое рабство, которое один народ когда-либо навязывал другому; эксплуатировать все ирландские ресурсы, земли, порты, людей, богатство, даже ее религию, все в целом, что принадлежало Ирландии, исключительно для получения прибыли и развития Англии, вести все бухгалтерские книги и строго отказываться от аудита сделки - вот тайная, но решительная политика Англии.

Недавно мы кое-что читали о мексиканском пеонаже, о том, как народ может быть обращен в незаконное рабство, его земля экспроприирована, его тела поработочены, его труд присвоен, и как связующее звено этой мошеннической связи лежит в фальсифицированном отчете. Гаценада держит пеона в долговой кабале. Его дворец в Мехико или на сизалевых равнинах Юкатана построен на украденном труде людей, чье рабство основано на лжи. Хасенада ведет бухгалтерские книги и списывает с раба стоимость плети, которой его бичуют на полях. Ирландия - английский пеон, великий пеон Британской империи. Книги и дворцы находятся в Лондоне, но работа и богатство достались пеонам из Ирландского поместья. Армии, свергнувшие Наполеона; флоты, вытеснившие с морей военно-морские силы Франции и Испании, были набраны из этого рабского загона английской цивилизации. За последние 100 лет вероятно, 2 000 000 ирландцев были призваны в английские флоты и армии из страны, намеренно лишенной продовольствия. Полностью такое же количество, движимое голодом, контролируемым исполнительной властью, дало Англии дешевую рабочую силу и создало ее огромную промышленность, укомплектовало ее судоходство, вырыло ее шахты и построило ее порты и железные дороги, в то время как ирландские гавани заилились, а ирландские фабрики закрывались. В то время как Англия жирела на урожай и говядине Ирландии, Ирландия голодала на своих собственных зеленых полях, а ирландцы худели в борьбе с Европой.

В то время как миллион ирландцев умер от голода на самых плодородных равнинах Европы, английский империализм привлек более тысячи миллионов фунтов стерлингов для инвестиций в мировую политику с острова, который представлялся этому миру слишком бедным, чтобы даже хоронить своих мертвецов. Прибыль Англии от ирландского феодализма не может быть

оценена с точки зрения торговли, финансов или налогообложения. Это намного превосходит недавнюю оценку лорда Макдоннелла в Белфасте в 320 000 000 фунтов стерлингов — "выкуп за империю", как он прямо выразился.

Не выкуп за Империю, а сумма достижений Империи, цена основания Империи и на сегодняшний день главная скрепа существования Империи. Отделите Ирландию от карты Британской империи и восстановите ее на карте Европы, и в этот день Англия восстановит свои исконные пропорции, а Европа займет свое законное место в мировой империи. Ирландия может быть возвращена в русло европейской жизни, от которой она так долго намеренно была отстранена европейским актом. То, что Наполеон осознал слишком поздно, все еще может быть целью и достижением конгресса наций. Ирландия, я утверждаю, необходима Европе, необходима для Европы, сегодня она удерживается против Европы благодаря сочетанию элементов, враждебных Европе и выступающих против европейского влияния в мире. Ее стратегическое значение является фактором наивысшего веса для Европы и сегодня используется на весах против Европы. Ирландию присваивают и используют не для служения европейским интересам, а для расширения антиевропейских интересов. *arbitrium mundi*, на который претендует и, безусловно, осуществляется Англией, поддерживается британским флотом, и до тех пор, пока этой мощи не будет брошен эффективный вызов и она не будет взята под контроль, бесполезно говорить о европейском влиянии за пределами определенных узких континентальных границ.

Мощь британского флота никогда не сможет быть ограничена надолго, пока Ирландия не будет возвращена Европе. Германия по необходимости стала защитницей европейских интересов в противовес мировому господству Англии и англоговорящих элементов. Сегодня она - плотина, огромный резервуар, быстро наполняющийся человеческой жизнью, который когда-нибудь должен найти выход. Англия, вместо того чтобы мудро рыть каналы для перелива, ожесточила свое сердце, подобно фараону, и думает предотвратить это или так направить поток, чтобы он потерялся и был выпит жаждущими песками постоянно расширяющегося Англосаксонства. Немецкие законы, немецкий язык, немецкая цивилизация не должны находить почвы для пополнения, почвы для удобрения и обогащения.

Я полагаю, что это не только установленная политика Англии, но и то, что она основана на темпераментных основах самого английского характера, от которых этот народ не смог бы отказаться, даже если бы захотел. Списки составлены. Английский ум, английское сознание таковы, что противодействие немецкому влиянию в мире является для этого народа необходимостью. Они сопротивляются инстинктивно, вопреки доводам, перед лицом разума, они будут делать это слепо, во что бы то ни стало и любой ценой, и они будут делать это до конца.

Их рассуждения, если разум существует в том, что, в конце концов, является вопросом первичного инстинкта, могут быть выражены примерно следующим образом:

"Немецкое влияние не может не быть враждебным британским интересам. Эти два народа слишком похожи. Качествами, которые сделали Англию великой, они обладают в еще большей степени. Имея равные условия и не имея никаких поблажек, они обречены победить нас. Они вытеснят нас со всех рынков мира, и в конечном итоге мы окажемся в положении, подобном сегодняшней Франции. Лучше сражаться, пока мы все еще сильнее. Лучше помешать сейчас, пока не стало слишком поздно. Раньше мы сдерживались и уничтожали наших противников

промедлением, деньгами, союзами. Терпеть соперничество Германии - значит основать германскую империю и разрушить нашу собственную".

Какой-нибудь такой неясный аргумент, как этот, управляет рассуждениями англичанина, когда он сталкивается с растущим размахом тевтонского народа. Горькое негодование со страхом в глубине, торопливый лязг болтов и заклепок на поясе нового военного корабля и приглушенный, но самый усердный стук молотка по заклепкам постоянно строящегося Американского альянса — настоящего Дредноута, киль которого был заложен шестнадцать лет назад и чье медленное, секретное строительство стоило молчаливого проглатывания многих заветных британских похвал.

Английский либерализм мог бы желать иного рода расчетов с Германией, но английский либерализм сам по себе является продуктом английского темперамента, и как бы отдельные люди ни стремились к лучшему взаимопониманию между двумя народами, в массе это является частью национальной цели и фазой национального сознания и безжалостно ведет к заклепкам и ковке, к существующим "Дредноутам" и к тому более могущественному Дредноуту, который еще не создан, к англосаксонскому союзу, с которым Германия должна бороться, если она хочет выйти из него.

Несомненно, у нее уже есть военно-морская политика и планы морской войны, поскольку исход сражения будет решен на море, но судьба будет решена на острове.

Империя, выросшая на острове и распространившаяся вместе с ветрами и волнами до самых отдаленных берегов, будет сражаться на воде, и за нее будут сражаться, и закончится она там же, где и началась, на острове.

Я полагаю, этим островом будет Ирландия, а не Великобритания.

Сноска 1: (возврат)

Это было написано в августе 1911 года.

Сноска 2: (возврат)

Это освященное веками британское правило — иностранцы не должны сами видеть, как действует английское правление в Ирландии, — часто встречается в ирландских государственных документах. В письме из Дублинского замка от августа 1572 года от лорда-наместника Фицуильяма главному министру Елизаветы Берли нам сообщается, что прибыли "три немецких графа" со "своим проводником" мистером Роджерсом. Вице-король добавляет, как это делали его преемники вплоть до сегодняшнего дня: "Согласно указаниям вашей светлости, они должны заходить в кантри как можно реже".

Глава III

БАЛАНС СИЛ

Конфликт между Англией и Германией уже существует, конфликт целей.

Англия, богатая, процветающая, у которой в руках уже есть все, что она может ассимилировать, желает мира в нынешних условиях мирового господства. Эти условия заключаются не только в том, что ее фактические владения должны оставаться нетронутыми, но и в том, что никакая

другая Великая держава не должна, приобретая колонии и расселяя свой народ и институты в соседних регионах, тем самым оказывать влияние на более полное развитие этих ранее существовавших британских государств. Ибо для Англии равенство является преступлением, и Держава, достигшая степени успеха, приближающейся к ее собственному, и способной быть расширенной до условий честного соперничества, уже совершила непростительный грех. Как выразился Карран в своей защите Гамильтона Роуэна в 1797 году, "Англия отличается естественной жадностью к свободе, которую она старательно впитывает и накапливает, но крайне не желает делиться; то ли из-за какой-либо необходимости ее политики, то ли из-за ее слабости, то ли из-за ее гордости, я не возьму на себя смелость сказать".

Таким образом, хотя Англия может даже быть атакующей стороной и, по всей вероятности, будет атакующей стороной, она вступит в войну с Германией в изначально невыгодном положении. Она будет защищаться. Хотя, вероятно, военный агрессор из соображений стратегии, она будет действовать в соответствии с экономической политикой обороны, а не нападения. Ее главной заботой будет не наступление и захват, что всегда является на войне более вдохновляющей задачей, а удержание. В лучшем случае она могла выйти из войны без каких-либо новых приобретений, не добавив ничего стоящего к тому, что она имела, вступая в нее. Победа означала бы для нее только то, что она обеспечила себе дальнейшее затишье, в котором могла бы укрепить свои силы и насладиться уже завоеванным хорошим.

Германия будет сражаться с совершенно иной целью, которая должна вдохновлять на гораздо более энергичные усилия; она будет сражаться не просто за то, чтобы сохранить то, что у нее уже есть, но и за то, чтобы вырваться из невыносимого положения неполноценности, которое, как она знает, является незаслуженным и вынужденным не из-за морального или интеллектуального превосходства ее противника или из-за ее собственных неудач, а сохраняется благодаря географическому положению этого противника и раннему захвату различных преимуществ.

Ее усилия будут не просто военными, это будет интеллектуальное утверждение, истинная борьба за ту большую свободу, которую Англия, являясь гражданином мира, старательно "поглощает и накапливает" только для себя и отказывает всем остальным. Таким образом, в то время как английская атака в лучшем случае не будет вызвана более возвышенными чувствами, чем чувство человека, который, живя в очень удобном доме с приятными перспективами, сопротивляется посягательству на его мировоззрение со стороны строительных работ своего менее обеспеченного соседа, Германия будет бороться не только за то, чтобы выйти на свежий воздух и солнце, но и за то, чтобы построить более высокое и просторное жилище, пригодное для проживания многочисленного и растущего потомства.

Какое бы сооружение ни намеревалась возвести Германия, Англия возражает против этого плана и вывешивает свой военный знак "Древние огни".

Кто может сомневаться в том, что большой патриотизм и более сильная цель должны вдохновлять человека, который борется за свет, воздух и свободу, за право ходить за границу, учиться, наставлять, да, и вдохновлять других, а не того, чья главная забота - следить за тем, чтобы никто, кроме него самого, не пользовался этими возможностями. Более того, средства, которые каждый участник конфликта привлечет к конфликту, в конечном счете, на стороне Германии. Существует почти такая же диспропорция в ресурсах, как между Римом и Карфагеном.

Англия полагается на деньги. Германия - на мужчин. И точно так же, как римляне побеждают карфагенских наемников, так и немецкая мужественность, в конце концов, должна восторжествовать над британскими финансами. Точно так же, как Карфаген в часы последнего потрясения, поместивший свое золото там, где римляне поместили своих богов, и никогда ни одна душа не поднималась выше своих кораблей, пал перед народом Объединенной Италии, так и более могущественный Карфаген Северных морей, несмотря на торговлю, мореплавание, колонии, мощь кошелька и наемную доблесть иностранцев (ирландцев, индийцев, африканцев), падет перед людьми Объединенной Германии.

Но если военный триумф Германии кажется таким вероятным, то окончательная гарантия, нет, даже окончательная безопасность немецкой цивилизации может быть обеспечена только таким управлением государством, которое не повторит ошибки Людовика XIV и Наполеона. Военное поражение Англии от Германии является вполне возможным достижением с применением оружия, *если конфликт будет только между этими двумя*, но для реализации экономических и политических плодов этой победы Ирландия должна быть отделена от Британской империи. Оставить побежденную Англию по-прежнему в полном владении Ирландией означало бы не решать вопрос о правах Германии на море или в мировых делах, а просто отложить урегулирование до второго и, возможно, гораздо более масштабного столкновения. Это было бы похоже на то, как если бы Рим после первой Пунической войны оставил Сицилию Карфагену. Но Ирландия гораздо более важна для Англии, чем Сицилия для Карфагена, и имеет гораздо большее значение для будущего Европы на берегу океана, чем обладание Сицилией для будущего Средиземноморья.

Если Германия хочет постоянно извлекать выгоду из победы над Англией, она должна освободить узкие моря не только путем разгрома существующих британских флотов, но и гарантируя, что эти моря больше не будут закрыты будущими британскими флотами. Ворота Германии в свободную Атлантику могут оставаться открытыми только через свободную Ирландию. Ибо точно так же, как Ла-Манш при существующем соглашении, при котором Ирландия скрыта от остальной Европы, может быть закрыт Англией по желанию, так и теперь, когда Ирландия больше не привязана к поясу Англии, этот канал не может быть закрыт. Ключ к свободе европейского судоходства находится в Берехейвене, а не в Дувре. Если Берехейвен будет отвоеван у англичан, Англия действительно может закрыть Ла-Манш, но Ирландия может закрыть Атлантику. Как выразился Ричард Докс в 1689 году, причудливо, но верно, в своем посвящении королю Вильгельму III и королеве Марии своей "Истории Ирландии с древнейших времен".

Но никакая цена не может быть слишком большой, когда приз такой ценности, и тот, кто рассматривает ситуацию, порты, изобилие и другие преимущества Ирландии, признает, что ее необходимо удерживать любыми темпами; потому что, если она попадет в руки врага, Англии будет невозможно *процветать* и, возможно, трудно *существовать* без нее. Чтобы продемонстрировать это утверждение, достаточно сказать, что Ирландия находится на Торговом пути и что все английские суда, которые плывут на Восток, Запад и Юг, должны, так сказать, проходить испытание между гаванями Бреста и Балтимора; и я мог бы добавить, что транспортировка ирландской шерсти вскоре разрушила бы английское швейное производство. Следовательно, все предшественники Вашего величества придерживались этого фундаментального принципа сохранения Ирландии неразрывно связанной с короной Англии".

Единоличное присвоение Ирландии и всех ее ресурсов действительно стало, как писал Хронист Кинсейл, опорой и главной поддержкой британского величия.

Естественное положение Ирландии, лежащее "на линии торговли", возможно, было ее главной ценностью, но "ирландская шерсть", которой ни в коем случае нельзя было предоставлять свободный доступ на мировые рынки, олицетворяет многое другое, что Ирландия была безжалостно вынуждена вносить в рост своего соседа и получать единственную прибыль.

Только вчера я прочитал: "Мало кто понимает, что торговля Ирландии с Великобританией равна нашей торговле с Индией, на 13 000 000 фунтов больше, чем наша торговля с Германией, и на 40 000 000 фунтов больше, чем вся наша торговля с Соединенными Штатами". Насколько полно Англия прибрала к рукам все ирландские ресурсы, становится ясно из недавней публикации "Тарифной комиссии" г-на Чемберлена, выпущенной в конце 1912 года.

Этот документ, озаглавленный "Экономическое положение Ирландии и его отношение к тарифной реформе", фактически представляет собой манифест, призывающий к освобождению Ирландии из-под исключительной власти Великобритании. Так, например, из раздела "Внешняя торговля Ирландии" мы узнаем, что Ирландия экспортировала в 1910 году ирландских продуктов на сумму 63 400 000 фунтов стерлингов. Из этого Великобритания взяла 52 600 000 фунтов стерлингов, в то время как около 10 800 000 фунтов стерлингов ушло либо в зарубежные страны, либо в британские колонии, более 4 000 000 фунтов стерлингов - в Соединенные Штаты. Из этих одиннадцати миллионов фунтов ирландской продукции, отправленных в дальние страны, только 700 000 фунтов стерлингов были отправлены непосредственно из ирландских портов.

Оставшуюся сумму, более 10 000 000 фунтов стерлингов, хотя рынок сбыта, который она искала, лежал в основном на Западе, пришлось отправить на Восток и заплатить большую транзитную пошлину в эту страну за разгрузку, погрузочно-разгрузочные работы, агентирование, комиссию и перегрузку на британские суда в британских портах, чтобы отплыть обратно мимо берегов Ирландии, которую она только что покинула. В то время как Ирландия, действительно, находится на "линии торговли" между всей Северной Европой и крупными мировыми рынками, у нее отняли ее торговлю и искусственно лишили самого положения, отведенного ей природой в великих потоках торговых связей. Англия прибрала к рукам не только географическое положение, торговлю и богатство Ирландии для собственного возвеличивания, но и физическую зрелость острова в своих собственных целях. Точно так же, как торговля была насильственно аннексирована и отклонена от своего естественного направления, так и молодежь Ирландии была обманным путем присвоена и отвлечена от защиты своей собственной земли к расширению власти и богатства королевства, которые разорили ее дома. Физические качества ирландцев были не менее ценны для создания Империи, чем "ирландская шерсть", при условии, что они всегда демонстрировались не в Ирландии.

Еще в 1613 году мы находим в государственных документах откровенное признание, что ирландцы были лучшими воинами на поле боя. "Следующее восстание, когда бы оно ни произошло, угрожает государству большей опасностью, чем любое до сих пор, когда города и обнесенные стенами городки всегда были верны; (1) потому что у них те же тела, которые у них когда-либо были, и в этом они имели и имеют преимущество перед нами; (2) с младенчества они упражнялись и упражняются в обращении с оружием; (3) в королевстве из-за длительного мира никогда не было так много молодежи; (4) что они лучшие солдаты, чем прежде, их

континентальная занятость в войнах за границей убеждает нас, и они действительно считают, что их люди лучше нас. чем у нас".

Это свидетельство ирландского превосходства, исходящее из английских официальных источников всего триста лет назад, было бы достаточно убедительным, будь оно само по себе. Но это снова и снова подтверждается самими английскими командирами как причина их неудачи в каком-то конкретном предприятии. Во всем остальном они превосходили ирландцев; в вооружении, амуниции, запасах продовольствия и денег, здесь длинный кошелек, налаженная организация и более развитая торговля Англии давали ей подавляющее преимущество. Более того, англичанам не хватало моральных ограничений, которые так сильно мешали ирландцам в их сопротивлении. Они не испытывали угрызений совести при совершении любого преступления, которое служило их цели. Побежденные часто в открытом бою более выносливыми телами, более крепкими руками и большей храбростью ирландцев, они, тем не менее, выиграли игру, прибегнув к средствам, которые не смог бы применить ни один ирландец, за исключением того, кто присоединился к ним из мести или преследуя эгоистичные личные цели. Битва с самого начала была неравной. Ирландская доблесть, рыцарство и личная сила были противопоставлены богатству, предательству и хитрости. Лучшие тела ирландцев были побеждены худшими сердцами. Как выразился Карран в 1817 году, "Триумф Англии над Ирландией — это триумф вины над невиновностью".

Граф Эссекс, прибывший в Ирландию в 1599 году с одним из крупнейших отрядов английских войск, которые на тот момент когда-либо направлялись в Ирландию (18 000 человек), в письме королеве объяснил свой полный провал физическим превосходством ирландцев:

"Эти повстанцы численно превосходят армию вашего Величества и обладают (хотя я неохотно признаю это) лучшими телами и более совершенным владением оружием, чем те люди, которых посылает ваше Величество".

Королева, которая следила за войной в Ирландии с нарастающим гневом после каждого поражения и растущим страхом, что испанцы сдержат свое обещание оказать помощь ирландским принцам О'Нилу и О'Доннеллу, издала "инструкции" и набор "постановлений" по ведению войны в Ирландии, которые, хотя и предписывали прибегать к обычным методам вне поля битвы (т.е. к голоду, "политическим курсам", убийствам лидеров; и сеянию раздора посредством подкупа и обещаний), требовали для конфликта, чтобы ее более слабая сторона была защищена. солдаты должны быть защищены от нападения небронированных ирландцев стальными наконечниками. Она приказала "заставить каждого солдата носить мюррион, потому что преимущество оружия побуждает врага *браться за меч*, которым он обычно одерживает верх".

Один из генералов испанского короля Филиппа III, прибывший в Ирландию зимой 1601 года с горсткой испанских войск (200 человек), чтобы усилить небольшую экспедицию де Агилы в Кинсейл, таким образом, сообщил о физических качествах ирландцев в документе, который до сих пор хранится в Саламанке в архивах старого Ирландского колледжа. оно было написано доном Педро Де Зубиарром 16 января 1602 года, по возвращении в Астурию. Говоря о перспективах кампании, он писал: "Если бы мы привезли оружие для 10 000 человек, мы могли бы получить его, потому что они очень хотят продолжать войну против англичан. Ирландцы очень сильны и хорошо сложены, привыкли переносить голод и тяжелый труд и очень отважны в бою".

Возможно, наиболее ярким свидетельством врожденного превосходства ирландца как солдата является типично ирландский вызов, брошенный во время войны 1641 года. Документ представляет непреходящий интерес, поскольку демонстрирует не только "лучшее тело" ирландца того времени, но и частичку его лучшего сердца, которая все еще остается для нас.

Некий Парсонс, английский поселенец в Ирландии, написал другу, чтобы сообщить, что, среди прочего, голове полковника ирландского полка, участвовавшего в боевых действиях против англичан, не позволят долго оставаться на плечах. Письмо было перехвачено самим полком, и один из его капитанов, Фелим О'Моллой, написал Парсонсу в ответ:

- Если вам угодно, я сделаю вот что: я отберу шестьдесят человек и буду сражаться против сотни ваших отборных воинов, если вы разобьете лагерь всего в миле от своего города, а затем, если вы одержите победу, можете угрожать моему полковнику; в противном случае не считайте своих цыплят до того, как они вылупятся.

Англосакс предпочитал "политические курсы" принятию вызова ирландского солдата, даже когда ирландец уступал все преимущества своему врагу и все риски, за исключением предательства (очень необходимая предосторожность при общении с англичанами в Ирландии), с радостью принимались кельтами.

Это преимущество "лучших тел" ирландцы, вне всякого сомнения, сохраняли вплоть до начала Голода. Только на него полагались крестьяне Уэксфорда в 1798 году, и только с его помощью они снова и снова, вооруженные только пикой и косой, обращали дисциплинированные полки английских наемников в безудержное бегство с поля боя.

Это физическое превосходство его соотечественников часто упоминалось О'Коннеллом как одна из сил, на которую он полагался. С упадком всего ирландского, последовавшим за Массовым голодом, эти физические качества пришли в упадок вместе со многим другим, что было типично для нации и человека.

Сегодня нельзя безбоязненно утверждать, что шестьдесят ирландцев более чем равны сотне англичан; и все же, несмотря на то, что ирландская раса истощена эмиграцией своих самых сильных и здоровых детей, растущими болезнями и изменившимся и ухудшившимся питанием, она по-прежнему представляет собой тип, превосходящий англичан физически, интеллектуально и морально. Именно на ирландских солдат англичане в основном полагались в англо-бурской войне, и не будет преувеличением сказать, что, если бы все ирландцы в рядах британской армии были выведены, чисто британские силы не смогли бы положить конец войне, и голландцы остались бы хозяевами поля боя в Южной Африке.

Это была бесславная часть Ирландии, связанная с теми "варварскими методами", которые она сама знала слишком хорошо, в уничтожении независимости народа, подвергшегося нападению того же врага и принесенного в жертву той же жадности, которая уничтожила ее собственную свободу.

Воистину, несчастливо для человечества, как и для ее собственной судьбы и чести, что Ирландия вынуждена под тяжестью судьбы помогать своему имперскому разрушителю разрушать состояние и свободу храбрых людей в других местах.

Что эти физические качества ирландцев, даже при населении, составляющем сейчас лишь десятую часть населения Великобритании, по-прежнему ценны для империи, мистер Черчилль откровенно разъяснил в речи по законопроекту о самоуправлении (февраль 1913 г.). Теперь мы узнаем, что первый лорд Адмиралтейства решил создать новую учебную эскадру "с базой в Квинстауне", где надеются подкупом "самоуправления" побудить молодежь Корка и Мюнстера снова укомплектовать британский флот, как это было во времена Нельсона, и нам даже говорят, что перспективы быстрого набора "политически благоприятны".

Карфаген получал своих солдат из Испании, своих моряков, своих прашников с Балеарских островов и берегов Африки, свои деньги от мировой торговли. Рим победил ее, но она не оставила побежденный Карфаген для того, чтобы по-прежнему взимать пошлину с людей и разума за эти внешние источники снабжения.

Германия должна сражаться не только для того, чтобы победить британский флот сегодня, но и для того, чтобы нейтрализовать британский флот завтра. Оставьте Ирландию Великобритании, и этого никогда не будет. Нейтрализуйте Ирландию, и это уже достигнуто.

Одним из условий мира, и *по этой причине* наиболее важным условием мира, которое победоносная Германия должна навязать своему побежденному противнику, является то, что Ирландия должна быть отделена и превращена в независимое европейское государство под международными гарантиями. Англия, очевидно, будет сопротивляться таким условиям до последнего, но тогда последнее уже наступило, прежде чем Англия согласилась бы на любой мир, кроме как на условиях, которые она продиктует.

Побежденная Англия - это изголодавшаяся Англия. Ей придется принять любые условия, выдвинутые Германией, если только эти условия не спровоцируют внешнее вмешательство со стороны побежденной державы.

Приз, который Германия стремится получить от победы, - это не немедленное территориальное расширение, полученное в результате аннексии британских владений, не крупная денежная контрибуция, полученная от британских финансов и торговли (хотя она могла бы ее получить), а свобода Германии во всем мире на равных условиях с Великобританией. Это приз, за который стоит побороться, ибо однажды полученный, остальное последует само собой.

Германская цивилизация, освобожденная от стесненных рамок и неравного положения, в которое ее пыталась загнать Британия, должна была сама пробиться на передний план и по необходимости приобрести те привилегированные места, которые необходимы для ее широкого развития.

"В этом смысл его (немца) стремления к власти; безопасность от вмешательства в его индивидуальное и национальное развитие. Только одно остается нациям, которые не хотят отстать в мирном соперничестве за человеческий прогресс, — это стать равными Германии в неутомимой промышленности, в научной тщательности, в чувстве долга, в терпеливой настойчивости, в разумном, добровольном подчинении организации". (История немецкой цивилизации, Эрнст Рихард, Колумбийский университет, Нью-Йорк.)

Как только она превратит Великобританию в оппозицию, основанную на *мирном соперничестве* в человеческом прогрессе, Германия найдет свой путь к успеху, по которому она сможет идти более чем на равных условиях, и многие области экспансии, ныне закрытые,

легко откроются для немецкого предприятия, без того, чтобы этот народ нес потери и увечья, которые попытка вторжения в великие самоуправляющиеся доминионы столь бессмысленно повлекла бы за собой. Большинство британских самоуправляющихся колоний сегодня являются великими государствами, вполне способными защитить себя от нападения из-за рубежа. Разгром британского военно-морского флота едва ли облегчил бы высадку немецких войск, скажем, в Австралии, Южной Африке или Новой Зеландии. Завоевательная война в этих отдаленных регионах была бы для Германии невыполнимой и глупо невыполнимой задачей.

Побежденная Англия не могла уступить ни одно из этих британских владений в качестве цены мира, поскольку они населены свободными людьми, которые, как бы они ни сожалели о немецкой оккупации Лондона, никоим образом не могли быть переданы каким-либо пактом или договором, заключенным другими, под власть иного государства, кроме них самих. Следовательно, чтобы получить эти британские владения, Германии пришлось бы победить не только Англию, но и после этого начать новую войну или серию новых войн на краю света, с исчерпанными ресурсами и, вероятно, поврежденным флотом.

Данная вещь не подлежит проверке и может быть исключена из наших расчетов.

Единственные территории, которые Англия могла бы уступить своим собственным актом державе-победительнице, - это такие, которые сами по себе не подходят для колонизации белой расой. Несомненно, Германия будет добиваться компенсации расходов на войну, требуя передачи ей некоторых из этих последних территорий Британской короны. В тропической Африке, на Востоке, есть пункты, острова в океане, на которых сегодня развевается британский флаг, которые победоносная Германия могла бы приобрести с выгодой для немецкой торговли и влияния. Но ни одна из этих вещей сама по себе, не все они, взятые вместе, не соответствовали бы требованиям германского дела или гарантировали бы Германии будущую спокойную экспансию и мирное соперничество, ради обеспечения которых велась война. Англия была бы ослаблена и в некоторой степени обнищала из-за войны, закончившейся с такими результатами; но ее великое достояние, ее бесценное владение по-прежнему принадлежало бы ей — ее географическое положение. Лиши ее сегодня, скажем, Золотого берега, Нигера, Гибралтара, даже Египта, наложи на нее крупную контрибуцию, и в то время как Германия едва ли возместила бы собственные потери в войне, Англия фактически ничего бы не потеряла, и через десять лет германцам снова открылась бы та же перспектива - Европа, по-прежнему находящаяся за морями под властью жителей Западных островов.

Эту работу пришлось бы проделывать заново. Вторая Пуническая война должна была вестись с этим недостатком — Атлантическая Сицилия все еще удерживалась и использовалась атлантическим Карфагеном против Северного Рима.

Победоносная Германия, в дополнение к тем условиям, которые она может счесть целесообразными для соблюдения своих собственных сиюминутных финансовых или территориальных интересов, должна так сформулировать свои условия мира, чтобы помешать своему великому противнику когда-либо снова серьезно угрожать свободе морей. Я не знаю другого способа, кроме как выйти в открытое море. Ирландия, во имя Европы и в осуществление европейского права освободить моря от господства одного европейского острова, должна быть решительно выведена из-под британской опеки. Вторая Берлинская конференция, международный конгресс должны обсудить и, несомненно, будут обсуждать со все возрастающим единодушием предложение Германии о возвращении Ирландии в Европу.

Аргументы в пользу этого предложения вскоре стали бы настолько очевидны с общеевропейской точки зрения, что, за исключением Англии и ее побежденных союзников, ни одна держава не выступила бы против него.

Соображения целесообразности в не меньшей степени, чем военно-морские, торговые и моральные притязания, встали бы на сторону Германии и свободной Ирландии. Ибо свободная Ирландия, не принадлежащая и не эксплуатируемая Англией, но принадлежащая Европе в целом, с ее портами, доступными в том смысле, в каком они никогда не смогут быть, пока находятся под британским контролем для целей общего судоходства и заморских сношений, вскоре приобрела бы такое первостепенное значение в континентальных делах, что люди были бы ошеломлены мыслью, что в течение пятисот лет они позволяли одному-единственному члену своего сообщества исключительное использование и эгоистичное незаконное присвоение этого самого привилегированного из европейских островов.

Ирландия была бы освобождена не потому, что она заслуживала свободы или просила ее, не потому, что английское правление было тиранией, моральным падением, глупостью и грехом против света; не потому, что Германия заботилась об Ирландии, а потому, что ее выход из-под английского контроля казался очень необходимым шагом в международном благосостоянии и очень необходимым для прогресса немецкой и европейской экспансии.

Ирландия, освобожденная из тюрьмы, в которую ее заключила Англия, вскоре стала бы густонаселенным государством с населением, возможно, от 10 000 000 до 12 000 000 человек, коммерческим активом Европы в Атлантике, имеющим первостепенную ценность для всех, занимающим уникальное положение между Старым и Новым Светом, и, возможно, интеллектуальным и моральным активом немалой важности. Это и многое другое суверенная Ирландия значит для Европы. Прежде всего, это означает безопасность транзита, равенство возможностей, свободу морей — гарантию того, что великие водные пути океана больше не должны находиться в абсолютной зависимости от одного члена европейской семьи, и что этот член меньше всего заинтересован в общеевропейском благосостоянии.

Чем сильнее становилась свободная Ирландия, тем надежнее становилась гарантия того, что роль Англии, "сознательно принимавшейся на себя в течение многих прошедших лет как абсолютного и полностью произвольного судьи в войне и мире", ушла навсегда, и что, наконец, "баланс сил" поддерживался справедливым весом и справедливой мерой, а не нагруженными весами.

Глава IV

ВРАГ МИРА

Я считаю Англию врагом европейского мира и что до тех пор, пока Европа не завоюет ее "господство на море", не может быть мира на земле или доброй воли между людьми. Ее притязания на господство на морях и прямые и косвенные последствия, вытекающие из этого утверждения, являются главными факторами международных разногласий, которые сейчас угрожают миру во всем мире.

Чтобы поддержать это неоправданное притязание, она вынуждена прибегать к агрессии и интригам во всех уголках земного шара; водить за уши дружественные народы; формировать "союзы" и соглашения, разрушать дружеские связи, при этом цель всегда остается прежней: *разделяй и властвуй*.

Тот факт, что Европа сегодня разделена на вооруженные лагеря, объясняется главным образом усилиями Англии сохранить господство на море. Обычно предполагается, и эта идея пропагандируется английскими агентствами, что Европа обязана своим бременем вооружений антагонизму между Францией и Германией, потере Францией Эльзас-Лотарингии и порожденным этим духом и надеждой *нареванш*. Но этот антагонизм давно перестал быть главным фактором, формирующим европейские вооружения.

Если бы не британская политика и нездоровые надежды, которые она внушает, Франция бы еще раньше смирилась, как это сделали две провинции, с решением, навязанным войной 1870 года. Именно Англия и английские амбиции порождают состояние ума, ответственное за огромный рост вооружений, который сейчас затмевает континентальную цивилизацию. Человечество, окруженное в Центральной Европе лесом штыков и отрезанное от всех путей выхода к свету большого мира непреступным кольцом дредноутов, призвано к мирным конференциям и арбитражным договорам той самой державой, фундаментальный принцип правления которой обеспечивает войну как нормальное явление для каждой растущей нации Старого Света.

Если Европа не хочет задушить себя собственными руками, она должна задушить морского змея, чьи кольца обвивают ее берега.

Исследуйте основы европейского вооружения, где пожелаете, и мы обнаружим, что главный строитель - это тот, кто создал Британскую империю. Именно эта империя, ее притязания на всеобщее преимущественное право на каждую зону и регион, омываемые волнами и полезные и необходимые для экспансии белых рас, и ее утверждение права по своему желанию контролировать все моря всего мира толкают народы Европы в вооруженные лагеря. Политика англо-бурской войны в более широком масштабе опробуется против Европы. Точно так же, как Англия победила буров концентрационными лагерями, а не оружием, деньгами, а не людьми, так и сегодня она стремится воздвигнуть броневой барьер вокруг единственного европейского народа, с которым она боится встретиться в бою, и превратить всю Центральную Европу в огромный концентрационный лагерь. Используя самый длинный кошелек, она уже довела этот барьер до конца. Остается один пробел, и именно на то, чтобы убедиться, что это отверстие тоже должно быть закрыто, она теперь направляет всю силу своих усилий. Здесь самый длинный кошелек менее полезен, поэтому Англия прибегает к другому оружию. Она апеллирует к самому длинному языку в истории — самому длинному и кое-чему еще.

Для того, чтобы обеспечить охват Европы стальным поясом, необходимо окружить Соединенные Штаты поясом лжи. Поскольку Америка верна великой политике своего великого основателя, Америки, "друга всех держав, но не союзника ни одной", английские планы против европейской цивилизации в конце концов должны потерпеть крах. Эти планы могут увенчаться успехом только при активной американской поддержке, и обеспечить это сейчас является высшей задачей и целью британской хитрости и мастерства. Каждый инструмент ее дипломатии, отшлифованный и неотшлифованный, от опытного посланника до бойскаута и второстепенного поэта, был испробован по очереди. Кафедра, адвокатура, пресса; хозяйка светского общества, кабинет-министр и жена кабинета-министра, бывший кабинет-министр и сама королевская

семья, и последнее, но не менее важное, даже "ирландская национальность" — все были паломниками к этой святыне; и каждый был тщательно заряжен, метко нацелен, а затем полностью задействован в слабых местах брони республиканской простоты. Для успеха этих ресурсов паники существенной становится фальсификация истории и очернение самого миролюбивого народа Европы. Прошлые отношения Англии с Соединенными Штатами должны быть стерты с лица земли, и американский народ, который по крови в значительной степени является германцем, должен быть пойман в ловушку подозрительности, враждебности и негодования по отношению к стране и расе, от которых они не получили ничего, кроме добра. Германия представлена как враг неоправданных притязаний Англии на владение морями, а американских идеалов на американском континенте. Точно так же, как германец стал "врагом цивилизации" в Старом Свете, потому что он один обладает властью, силой духа и целеустремленностью, позволяющими всерьез оспаривать британскую гегемонию на морях, так и его усердно представляют как единственную угрозу американской гегемонии в Новом Свете.

Эта ключевая нота нападения на Германию звучит из каждого уголка Британской империи, где бы имперский редактор, отдыхающий от ударов плетью, которыми он орудует против цветных тружеников на шахтах и в лагерях, ни переводил свой взгляд со сгорбленных фигур этих закабаленных рабов дивидендов на прямые и стойкие фигуры новых готов, которые угрожают всей системе имперских дивидендов из-за Северного моря. Из *Times* в самые малоизвестные новостные сводки самого отдаленного уголка британских владений распространился этот слух.

Доктрина Монро, палладиум англосаксонской мировой империи, находится под угрозой германских амбиций, и если бы не британский флот, Америка была бы потеряна для американцев. Где бы ни собирались сегодня англичане, в их журналах, обращенных, возможно, лишь к горстке читателей, утверждается, что функция британского флота состоит в том, чтобы вытеснить европейские государства с Германией во главе из Южной Америки, не потому, что само по себе это правильная и достойная цель, а потому, что этот континент предназначен для будущей эксплуатации и контроля их "родственников" из Соединенных Штатов, и они нуждаются в поддержке этих "родственников" в их битве против Германии.

Мне нужно процитировать лишь одно высказывание из массы мятежных пасквилей этого характера, находящихся передо мной, чтобы показать, насколько широко распространена пропаганда лжи и насколько настойчивы прилагаемые усилия, чтобы отравить американское сознание против единственных людей в Европе, которых Англия искренне боится и, следовательно, искренне ненавидит.

The *Natal Mercury* например, статья, написанная для маленького городка Дурбан и адресованная населению всего около 30 000 белых, в недавнем номере (март 1913 г.) посвятила одну из ведущих приближающемуся "Столетию мира" 1914 года, которое состоится в ознаменование подписания Гентского мирного договора, положившего конец второй войне между Великобританией и американским народом в 1814 году.

"В конце концов, кровь гуще воды", - с удовлетворением цитирует the *Natal journal* и, указав на некоторые недавние признаки сближения между Англией и Соединенными Штатами, далее провозглашает главную функцию британского военно-морского флота и тем самым обосновывает претензии на добрую волю Америки.

"Мы упоминаем о них, потому что подобные инциденты, вероятно, будут повторяться все чаще и чаще в этом соперничестве за военно-морское превосходство в Европе, которое вынуждает Соединенные Штаты приводить в рабочее состояние свои собственные флоты и включаться в работу, которую Англия до сих пор была вынуждена выполнять *без посторонней помощи*.

"Именно Англия контролирует Семь морей, и Америка извлекла немалую выгоду *извзятой на себя задачи*, аспекта дела, который волнует каждого вдумчивого американца. В Новом Свете существует реальное и искреннее признание *молчаливого барьера*, который Великобритания воздвигла на пути того, что могло бы стать чем-то большим, чем мечта об экспансии в Южную Америку со стороны *одного* могущественного европейского государства. Действительно, едва ли будет преувеличением сказать, что сохранение Доктрины Монро в настоящий момент почти так же полностью гарантировано Англией, как и страной, провозгласившей эту политику и получившей от нее главную выгоду. Это тот случай, когда *молчаливое понимание* имеет гораздо большую ценность, чем формальный договор, который "послужил бы мишенью для случайного недовольства с той или иной стороны".

Статья завершается провозглашением "драгоценного постоянства невидимой связи" и высокой и непреходящей ценности "взаимно признанной добросовестности и окончательной солидарности взаимных интересов, правильно понимаемой". "Абсолютная солидарность", к которой стремятся те, кто направляет эти заявления по всему миру, - это не просто бесплодная дружба между американским и британским народами. Дружба Америки с Англией имеет смысл только тогда, когда она может быть преобразована мировыми актами во вражду против Германии.

Сегодня о Британской империи действительно можно сказать, что там, где двое или трое собираются вместе, среди них должна быть ненависть к Германии. Куда бы он ни повернулся, от Колоний к Англии, от Англии к ее флоту, от морей к воздуху, англичанин живет, движется и пребывает в атмосфере не любви, а ненависти. И это тоже ненависть, страх и зависть людей, которые никогда не причиняли ему вреда, которые никогда не воевали с ним, и чье единственное преступление заключается в том, что они являются высокоэффективными соперниками в мирном соперничестве в торговле, мореплавании и науке.

Например, в одном из популярных лондонских журналов за январь 1913 года в статье о финансовых проблемах британского военно-морского флота говорится, что, если бы не Германия, сегодня был бы еще один "Спитхед". "По ту сторону Северного моря находится нация, которая около пятидесяти лет назад так боялась британского военно-морского флота, что в панике построила закованный в железо флот.

"Сегодня, как вторая военно-морская держава, ее угроза слишком велика, чтобы допустить какой-либо современный мятеж Спитхедов. Но вопрос оплаты был настолько острым, что, возможно, только немцы и их "угроза" спасли нас от неприятностей ". Но в то время как "патриотизм" "нижней палубы", возможно, был достаточно сильным, чтобы предотвратить эту опасность, патриотизм "квартердека" демонстрирует нам образец своего качества, который, безусловно, нельзя было бы продемонстрировать ни в одной другой стране мира.

Прямо сейчас, когда я пишу, я читаю в "Бритиш Ревью", как адмирал сэр Перси Скотт нападает на адмирала лорда Чарльза Бересфорда, называет его "посмешищем флота", обвиняет его в

публикации в его книге "*Предательство*" серии "преднамеренной лжи" и в заключение говорит, что доблестный адмирал "не моряк".

И именно флот, которым командуют такие адмиралы, как эти, должен смести германский военно-морской флот с морей!

Во время Крымской войны союзные британские и французские военно-морские силы отличились тем, что по сигналу не смогли захватить такие незначительные крепости, как Свеаборг, Гельсингфорс и укрепленные маяки в Финском заливе. Соответствующие адмиралы дали друг в друга сильнейшие бортовые залпы, и бомбардировка фортов была прекращена благодаря искусному обмену морскими любезностями между двумя флагманами. Наполеон III, который искал объяснения этой неудаче своего флота, получил ответ, который я не могу не рекомендовать британскому адмиралтейству сегодня. "Ну, сир, - ответил французский дипломат, знавший обстоятельства дела, - оба адмирала были пожилыми женщинами, но наш, по крайней мере, был леди". Если британские адмиралы не могут выйти в море, не подвергаясь такому риску, они могли бы, по крайней мере, взять с собой канонерку "Женщина", чтобы разъяснить правила вежливости в военно-морских дебатах.

В то, что Англия сегодня любит Америку, ни на минуту не поверит тот, кто прислушивается к частному мнению англичан, а не к их публичным высказываниям или заинтересованным восхвалениям в их прессе.

В нем чувствуется старая неприязнь, старое высокомерное презрение к "янки" и всем его повадкам. "Божий англичанин" сейчас любит американских граждан не больше, чем в 1846 году, когда он всерьез рассматривал вторжение в Соединенные Штаты и восстание негритянского населения-рабов против своих "англосаксонских сородичей".

Сегодня, когда мы так много слышим об англосаксонском союзе, возможно, было бы неплохо вернуться к этой странице истории. Ибо это покажет нам, что если сегодняшней британский премьер может говорить так, как г-н Асквит 16 декабря 1912 года, называя покойного американского посла "великим американцем и родственником", человеком, "происходящим из общей расы, говорящим на нашем родном языке, разделяющим с нами по рождению как по наследству немало наших самых дорогих традиций и участвующим, когда он приезжает сюда, по тому, что я могу описать как *его естественное право в наших внутренних интересах и празднованиях*", то это новообретенное родство берет свое начало не в смысле общности расы, на самом деле, но в очень распространенном страхе перед Германией.

В 1846 году британская армия занималась отнятием урожая у ирландцев, чтобы завершить дело голода и сократить тогда еще слишком большое население Ирландии в пределах, предписанных "законом и порядком", либо голодом, либо бегством в Америку.

Спасаясь сотнями и тысячами от правления того, кто называл себя их Сувереном, изгнанные во множестве, превосходящем число мавров Испании, которых испанский король переправил за моря с такими же благочестивыми намерениями, беглые ирландцы нашли дружбу, надежду и дома в великой Кельтской Республике на Западе. Все, в чем им было отказано на их собственной древней земле, они нашли в новой Ирландии, растущей по ту сторону Атлантики.

Ненависть к Англии преследовала их здесь и тех, кто осмелился оказать помощь и приют. Соединенные Штаты широко распахивали объятия, чтобы принять поток ирландских беглецов,

и говорили очень резкие вещи о печально известном правлении Англии в Ирландии. С этим нельзя было мириться. Англия в те дни еще не изобрела англосаксонскую теорию человечества, и объединенная Германия тогда родилась не для того, чтобы досадовать на некомпетентность своих государственных деятелей или извлекать выгоду из недостатков своих торговцев.

Итак, величайшие министры королевы Виктории всерьез рассматривали возможность войны с Америкой и, естественно, искали кого-нибудь еще для ведения боевых действий. Герцог Веллингтон надеялся, что на Францию можно будет сыграть, точно так же, как позже более поздний министр стремится сыграть с Францией аналогичную роль против более позднего противника.³

Мексиканцев тоже можно было склонить к вторжению на границу с Техасом. Но всерьез планировалось еще большее злодеяние, чем это. И снова ирландец рассказывает эту историю и показывает нам, как нежно англичане любили своих заокеанских "сородичей", когда ближе к дому не было немецкой угрозы.

В письме из Карлсруэ 26 января 1846 года своему другу Александру Спенсеру в Дублин Чарльз Левер сказал: "Что касается войны, герцог⁴ говорит, что он мог бы разбить янки и должен это сделать, пока Франция в ее нынешнем настроении и Мексика открывают дорогу вторжению с Юга — не говоря уже об ужасной угрозе, которая грозит им. Нейпир произнес, что с двумя полками пехоты и полевой батареей он *увеличит численность рабов в Соединенных Штатах*."

Порочность этого предположения невозможно превзойти. Блестящий солдат, задумавший это, был рыцарственным англичанином, покорившим Синд, одно из главных достояний британской иерархии святых воинов.

Это планировало правительство покойной королевы Виктории по совету герцога Веллингтона, а люди, против которых должны были быть выпущены миллионы черных рабов, были "родственниками" тех, кто замыслил эту зверскую форму резни. Поистине, как гласит старая ирландская пословица, старая еще во времена Генриха VIII. сформулируйте это так: "гордости Франции, *измене Англии* и войне Ирландии никогда не будет конца".

Как современный свидетель этой измены, тот, кто страдал от нее с рождения до тюремной камеры, мертвый ирландец говорит с нами из могилы. Майкл Дэвитт в письме Моррисону Дэвидсону от 2701 августа 1902 года таким образом резюмировал в заключительных словах то, что чувствует в своем сердце каждый ирландец:

"Мысль о том, что мной правят англичане, является для меня главной мукой существования. Это нация без веры, истины и совести, окутанная панцирем фарисейства и неизлечимым лицемерием. Их моральный аппетит питается ложью. Они исповедуют христианство и верят только в Маммону. Они говорят о свободе, управляя Индией и Ирландией вопреки принципам конституции, исповедуемым как политическая вера, но протискиваемым в интересах класса и землевладельческого правления".

Заменили ли англичане менее чем за два поколения любовь ненавистью, которую Нейпир, Веллингтон и министры королевы чувствовали и выражали в 1846 году по отношению к народу

Соединенных Штатов? Что сегодня толкает к "Арбитражным договорам" и празднованию "Ста лет мира" - любовь к Америке или страх перед кем-то еще?

Англо-американское "Движение за мир" должно было стать лишь первым этапом в "Англосаксонском союзе", призванном ограничить все дальнейшие мировые изменения, за пределами определенных предписанных континентальных границ, только этими двумя народами на основе нового "Священного союза", девизом которого должно было стать *Beati possidentes*.

Поскольку Англия и Америка, фактически или по оговоркам, пользуются почти всеми желанными регионами земли, почему бы не добиться всеобщего соглашения о том, чтобы каждый оставался на своем месте, оставаться "такими, какие мы есть" и любезно передавать все возможные разногласия в "Международный трибунал"?

Британская Библия снова была брошена на чашу весов, и несправедливость Германии, которая не нашла возможности присоединиться к пению псалмов, была разоблачена в духе горького смирения и подвергнута критике с помощью соответствующего подбора текстов. Гаагский трибунал был бы намного приятнее войны вооружений! Без безрассудного соперничества и военных расходов не могло быть и речи о будущем человечества.

Идиллический мир установился бы в нациях, довольных обладанием каждой своей долей жизненных благ, и никаким сомнительным амбициям не было бы позволено мешать покупке и продаже меньших и более слабых народов. Искренность стремления к универсальному арбитражу может быть лучше всего продемонстрирована Англией, когда она или любая из Держав, к которым она апеллирует, согласится передать иск одного из малых народов, которые она или они держат в подчинении, в Гаагский трибунал. Пусть Франция передаст Мадагаскар и Сиам или свою последнюю жертву, Марокко, на усмотрение Суда. Пусть Россия согласится с тем, чтобы Польша или Финляндия добивались вердикта этой апелляционной коллегии. Пусть Англия рассмотрит свое дело в том же высокоморальном суде и позволит Ирландии, Египту или Индии судить ее по своим законам. Тогда, и не раньше, мир маленьких государств и побежденных народов, возможно, начнет верить, что Мирный крестовый поход имеет некоторые основания в чести и честности — но не раньше.

У Германии хватило прямоты и мужества заявить, что она все еще в состоянии сама стрелять и что то, что у нее есть, она сохранит, если понадобится, силой, а то, что она хочет, она возьмет в свое время, и тоже силой, если понадобится. Из двух культов последний проще, искреннее и, безусловно, менее нечестный.

Ирландско-американская, связанная с немецко-американской зоркой враждебностью, завершила остальное. Соперничество г-на Рузвельта и г-на Тафта помогло, и усилия (по крайней мере, на какое-то время) потерпели крах, тем самым ввергнув Англию в новый пароксизм религиозного уныния и серьезной озабоченности немецкой моралью. Такое настроение возникло во время поездки лорда Холдейна "на выходные" в Берлин. Голос был голосом Иакова, несмотря на руку Исава. Мистер Черчилль в Глазго показал настоящую руку, и похлебка, столь любезно предложенная в Берлине, не купила немцу права первородства. "Кройц цайтунг" справедливо подытожила ситуацию, указав, что "г - н Свидетельство Черчилля теперь может быть выдвинуто как показывающее, что только воля Англии подвергается сомнению как выразителя мира, и что Англия на протяжении многих прошедших лет

сознательно брала на себя роль абсолютного и совершенно произвольного судьи в войне и мире. Нам кажется тем более важным, что г-н Черчилль предлагает также в будущем контролировать, с помощью сильных военно-морских сил Доминионов, торговлю и морские передвижения всех держав на лице земли — иными словами, его целью является обеспечение мировой монополии Англии". В умах англичан никогда не было никаких других мыслей. Как я сказал в части I. этого документа, "Британские интересы - это, прежде всего, контроль над всеми морями всего мира с полным военным и коммерческим контролем. Если это не оспаривается, мир разрешен; оспаривать это всерьез означает войну".

Германией движет необходимость серьезно оспорить это и преодолеть. Она не может выйти, чтобы играть свою роль в мировой жизни, *более того, она не может надеяться в конечном счете остаться дома* до тех пор, пока эта битва не будет выиграна.

Договоренности с Англией, детали, взаимопонимание, называйте их как хотите, - это всего лишь переговоры перед боем. Штурм должен быть осуществлен, крепость взята, иначе Германия, а вместе с ней и Европа, должны отказаться от миссии белых рас и передать правительство и будущее мира одному избранному народу.

В настоящее время в Европе ежегодно воспроизводится около пяти миллионов душ. Около трех пятых этого числа сегодня вовлечены в жизнь Континента, остальные уезжают за границу, главным образом в Северную Америку, пополняя англоговорящий мир. Германия контролирует примерно пятую часть естественного ежегодного прироста населения Европы, и, понимая, что эмиграция сегодня означает только потерю своего народа и наращивание силы своего противника, она уже много лет стремится удержать свой народ в пределах Германии, и до сих пор успешные результаты намного превосходят все, чего достигли другие европейские государства. Но предел должен быть достигнут, и это до того, как пройдет много лет. Где находится Германия, чтобы найти подходящий регион, как по масштабам, так и по условиям климата, здоровья и почвы, который, скажем, люди численностью 90 000 000 человек, проживающие на территории, немногим превышающей территорию Франции, сочли бы соответствующим своим потребностям? Ни один европейский народ не находится в таком тяжелом положении.

У России есть огромный и здоровый мир Сибири, в который можно переливаться. Франция, далекая от того, чтобы нуждаться в торговых точках, вообще не растет, и в течение 1911 года число смертей превысило число рождений почти на 40 000. Для Франции время величия прошло. Французская империя в любом ином смысле, чем римская империя коммерческой и военной эксплуатации оккупированных территорий и поработенных народов, исчезла навсегда.

Франции нечего проливать кровь, кроме как на войне. Французская кровь не заливает даже побережье Средиземного моря. Италия сталкивается примерно с той же проблемой, что и Германия, но в меньшей степени. Ее избыточное население уже находит значительный выход в Аргентине и Южной Бразилии, среди народов, институтов и языка, в значительной степени приближающихся к тем, которые остались позади. Хотя Италия, как и Германия, действительно нуждается в мировой политике, ее способность поддерживать значительную часть населения за границей нельзя сравнить с способностью тевтонского народа. Ее притязания не столь настоятельны, ее потребность не столь настойчива, ее могущества недостаточно.

Честность и неподкупность немецкого разума, сила немецкого интеллекта, мастерство немецкой руки и мозга, справедливость и сила немецкого закона, интенсивность немецкой культуры, науки, образования и социального развития - все это нуждается в большом и здоровом поле для своего благотворного проявления, и мир нуждается в этих вещах больше, чем в британском владычестве на морях. Мир европейской жизни нуждается сегодня, как он нуждался во времена упадка Римской империи, в пришествии другого гота, в пришествии тевтона. Вмешивается только промежуточный остров в Северном море. Как преодолеть это препятствие, как завоевать свободу "Семи морей" для Европы, должно быть, главным вопросом для Германии.

Если она падет, то обречена на бесплодие. Это высшее испытание немецкого гения, немецкой отваги, немецкой дисциплины и воображения.

Увидят ли наследники Карла Великого ясно то, что Людовик XIV, Директория и Наполеон потерпели неудачу?

И тогда, когда пробьет этот великий час, произведет ли Германия, произведет ли Европа на свет государственного деятеля-солдата, который увидит, что ключ к свободе за океаном лежит на том острове за островом, о самом существовании которого Европа забыла?

Пока этот ключ не достанут из-за пояса Пирата, Германия может выиграть сотню "Аустерлиц" на Висле, Днепре, Луаре, но пока она не вернет этот ключ Европе, перефразируя Питта, она может "свернуть эту карту мира; в эти пятьдесят лет она никому не понадобится".

Сноска 3: (возврат)

Сэр Эдвард Грей и *Сердечное соглашение*.

Сноска 4: (возврат)

Герцог Веллингтон: доклад был представлен Лаверу маркизом Дору, наследником герцога.

Глава V

ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕГО ЗАПАДА

Приведенные выше размышления и почерпнутые из них аргументы были написаны до начала войны между Турцией и балканскими союзниками.

Когда я пишу эту статью (март 1913 г.), исход этой войны все еще не определен, но каким бы ни был ее точный исход, ясно, что судьба Турции как великой державы предрешена, и что осложнения на Ближнем Востоке в будущем примут совершенно новый вид. До сих пор существовала лишь вероятность того, что Германия сможет найти, по крайней мере, коммерческий и финансовый выход в азиатских владениях султана. Существовала даже возможность, если бы Турция держалась вместе, что Англия, чтобы смягчить давление в других местах, уступила бы расширяющейся и настойчивой Германии дружественные интересы и контроль в Малой Азии. Это правда, что максимально возможное развитие и при наиболее благоприятных условиях для интересов Германии в этом регионе не могло бы удовлетворить

потребности тевтонского роста; но, по крайней мере, оно обеспечило бы предохранительный клапан и могло бы вызвать озабоченность, способную на время отвлечь немецкое видение от истинного пути к величию, западных морских магистралей.

Оккупация или колонизация Ближнего Востока германскими народами никогда и ни при каких обстоятельствах не могла бы стать возможным решением проблемы, стоящей перед немецким государством. А также разговоры о возрождении Франкского Иерусалимского королевства.

Оккупация светловолосыми народами Балтийского и Северного морей земель турок и татар, сирийцев и евреев, армян и месопотамцев никогда не была практическим предложением или предметом серьезного рассмотрения. "Восток есть Восток, а Запад есть Запад", - поет поэт Империи, и англичане не могут жаловаться, если величайший из западных народов, переняв певца, применит эту догму к себе. Германия, действительно, могла бы стремиться к значительной мере коммерческого господства на Ближнем Востоке, возможно, к торговому протекторату, такому, какой Франция применяет к Тунису и Алжиру и надеется применить к Марокко, или такому, какой Англия навязывает Египту, и это коммерческое господство могло бы принести значительную прибыль рейнской промышленности и принести пользу саксонскому индустриализму, но она никогда не смогла бы добиться большего, чем это. Колонизация королевств Баязет и Саладин светлокожими народами Севера или установление тевтонских институтов в долине Дамаска, даже при доброжелательном нейтралитете Англии, - это гораздо более широкая мечта (и, несомненно, ни один немецкий государственный деятель никогда не лелеял ее), чем вызов Германии морскому господству Англии.

Тенденция цивилизованного человека во всех великих движениях с тех пор, как зародилась современная цивилизация, была направлена с Востока на Запад, а не с Запада на Восток. Поток народов, движимых каким-то таинственным импульсом с самого начала европейской экспансии, направлялся к заходящему солнцу. Те немногие движения, которые произошли в противоположном направлении, лишь подчеркнули универсальность этого правила, начиная со времен свержения Рима, если мы не ищем более ранней даты. Крестовые походы, несомненно, являются классическим примером. Более поздний противоположный пример, направленный Россией в Сибирь, едва ли, если вообще, влияет на аргумент, поскольку там русское восстание захватывает северные, а не восточные земли, и для русского эмигранта это движение не влечет за собой изменения климата, почвы, законов, языка или окружающей среды, в то время как сам этот эмигрант, возможно, в такой же степени принадлежит Азии, как и Европе.

Но какую бы ценность для развития Германии ни представляли возможные шансы на экспансию на Ближнем Востоке до нынешней балканской войны, эти шансы сегодня, в результате той войны, едва ли существуют. Вероятно, именно восприятие такого исхода победы славянских государств повлияло и ускорило характерное изменение английского общественного мнения, сопровождавшее криками насмешек предсмертную агонию турка. "В вопросах разума, - как недавно сказал английский писатель в *Saturday Review*, - национального спортивного инстинкта не существует. Английская общественность неизменно поддерживает победителя". И точно так же, как английская общественность неизменно поддерживает победителя, британская политика неизменно поддерживает антигерманскую или предположительно антигерманскую сторону во всех мировых вопросах. "То, что, по-видимому, привело к 1912 году, - это огромное усиление славянских рас в их вековой борьбе против

тевтонских рас. Даже локальный и временный триумф Австрии над Сербией не может скрыть тот факт, что отныне путь на юго-восток к Черному и Эгейскому морям для немцев закрыт".⁵

Это выдающийся факт, который британское общественное мнение воспринимает с растущим удовольствием в связи с распадом Турции.

Независимо от того, где находится спор или какова цель конфликта, главный вопрос для Англии - "Где Германия?"

Против этой стороны, открыто или тайно, будет брошена вся мощь Великобритании. Германская экспансия на Ближнем Востоке отошла на второй план, и вместо нее небрежно рассматривается наращивание военно-морской мощи Греции в Средиземном море, чтобы занять позицию Тройственной Антанты, в то время как солидный клин Славянской империи или Федерации, насчитывающий в ближайшем будущем 2 000 000 вооруженных человек, приятно видеть вбитым через Юго-Восточную Европу между австро-германскими войсками и незастроенными землями Малой Азии. Эти последние можно безопасно оставить в руках Турции еще на некоторое время, пока не настанет день их раздела на "сферы влияния", подобно тому, как Персия и части Китая сегодня делятся между Россией и Англией. Более того, это счастливое завершение свалилось с небес, и Турция подвергается резке для дальнейшего расширения британских интересов явно по воле Божьей.

Победа балканских государств становится еще одним триумфом британской Библии; это победа праведности над беззаконием.

Истинное достоинство балканских "христиан" заключается в возможности превращения их в антигерманский фактор, имеющий большой вес в европейском конфликте, который явно надвигается, и в том, что они, как мы надеемся, создают новое препятствие немецкой мировой политике.

Давайте сначала рассмотрим моральные аргументы в устах этих профессоров. Это заверяет нас в том, что требование балканских союзников изгнать Турцию из Европы опирается на справедливую и историческую основу.

Вкратце сказано, что турок удерживал свои европейские провинции только по праву завоевания. То, что взял меч, может забрать и меч. Когда меч был выбит из рук османца, его право на все, что он ему давал, тоже утратилось. Таким образом, Адрианополь, город, который он удерживал более пятисот лет, должен быть отдан новому завоевателю, который никогда не владел им в прошлом и который, безусловно, имеет гораздо меньше моральных прав находиться там сегодня, чем потомки солдат Селима.

Но моральный аргумент порождает странные способы мести.

Если Турция не имеет права на Адрианополь, на Фракию — "право меча быть сокрушенным мечом", — то какое право имеет Англия на Ирландию, Дублин, Корк? Она владеет Ирландией точно таким же правом, каким Турция до сих пор владела Македонией, Фракией, Салониками, — правом вторжения, захвата, деморализации. Если права Турции, которым почти шестьсот лет, могут быть разбиты за один день одной успешной кампанией, и если европейские державы могут справедливо настаивать на том, что этот успешный меч перевесит многовековую оккупацию, тогда, действительно, Державы во главе с Англией создали прецедент на Ближнем

Востоке, который победитель в следующей великой битве не замедлит применить к Ближнему Западу, когда плененная Ирландия будет спасена из рук завоевателя, чей исход не лучше, а даже несколько хуже, чем исход Турции в Македонии. И когда для Турции Ближнего Запада настанет день поражения, тогда собранная Европа вспомнит аргументы 1912-13 годов, и освобожденная Ирландия будет оправдана на том самом основании, что Англия сегодня первой выступила против побежденной Турции.

"Но турок - азиат", - говорят английские башо, на что Европа действительно могла бы метко ответить: "А англичане - европейцы или неевропейцы?" Моральный аргумент и "азиатский аргумент" - странные тексты для осквернительницы христианской Ирландии, апеллирующей к этому континенту, который она охотно окружила бы малайскими и индийскими линкорами, канадскими и австралийскими дредноутами. Не моральный аргумент, а антинемецкий аргумент дает реальную основу для изменения позиции Великобритании в нынешней войне.

Моральный крах Турции, ее неспособность управлять своими христианскими народами - это только предлог: но точно так же, как моральный аргумент выдвигает свои странные аргументы мести и показывает Ирландию, которая перенесла все, что перенесла Македония, и это от рук христиан, а не мусульман, так и триумф балканских союзников, далекий от того, чтобы приносить пользу Британии, должен, в конце концов, обернуться ей во вред.

Нынешний очевидный ущерб интересам Германии в результате закрытия Юго-восточной Европы и дороги в Малую Азию неизбежно заставит Германию еще более решительно столкнуться с проблемой открытия западных морских путей. Думать иначе - значит верить, что Германия смиренно и без борьбы примет совершенно невозможную позицию.

Окруженная Россией с Востока и новыми южнославянскими государствами на юго-востоке, с мстительной Францией, подстрекаемой на своей западной границе к новым мечтам о завоеваниях, Германия видит, как Англия готовит еще более мощные вооружения, чтобы удержать и перекрыть морские пути мира. Голосование канадских военно-морских сил, малайский "подарок" в виде линкора стали новыми заклепками в цепи, выкованной для вечного сковывания морей, или, правильнее было бы сказать, для вечного сковывания рук немецкого народа.

Мы читаем в недавнем лондонском периодическом издании, что эти последние военно-морские события предвещают наступление дня, когда "императорский военно-морской флот будет охранять спокойствие на морях, как полицейский - спокойствие на улицах. Приближается время, когда морская война (за исключением Англии) будет так же безжалостно подавляться, как пиратство в открытом море". (*Обзор рецензий*, декабрь 1912 г.)

Наивное высокомерие этого высказывания характерно для англичан. В конце концов, это всего лишь журналистское эхо речи Черчилля в Глазго и самое полное обоснование критики, которую уже цитировала "Кройц цайтунг". Она не стоит особняком; ей можно найти параллель в колонках любой английской газеты — как либеральной, так и консервативной — каждый день в течение недели. Нет ничего яснее, чем то, что ни один англичанин не может думать о других нациях иначе, как с точки зрения постоянной неполноценности. Так, например, в ноябрьском (1912 г.) выпуске *Daily News* мы находим представительного англичанина (сэра Р. Эджкамба), обращающегося к этому Либеральному журналу со словами, которые никому, кроме англичанина, и в голову не пришло бы произносить публично. Сэр Р. Эджкамб осудил

распространившееся заявление о том, что малайский линкор не был бесплатным подарком трудящихся тамиллов, японцев, китайцев и других каучуконосов, составляющих, наряду с несколькими малайцами, население этого полуострова, а на самом деле был плодом произвольного налога, наложенного на этих скромных, но равнодушных азиатов их английской администрацией.

Далеко не равнодушный сэр Р. Эджкамб утверждал, что эти бедные рабочие питали к англичанину почтение, "граничащее с преклонением". "Любопытным образом об этом свидетельствует их отказ называть любого европейца "белым человеком", за исключением только англичанина. Немецкий торговец, итальянец и француз - все они, по их выражению, цветные люди".

После такой оценки самих себя англичане не могут возражать против мнения автора настоящего произведения о том, что они неевропейцы.

Таким образом, пока решается восточный вопрос, пока я пишу, изгнанием турка из Европы Англия, которая возглавляет крик от имени Европы, готовит исключение Европы из всех мировых дел, в которых может доминировать морская держава. Земли и народы, веками удерживаемые Турцией по праву, не менее моральному, чем то, по которому Англия удерживала Ирландию, насильственно возвращаются Европе. Да будет так.

С урегулированием восточного вопроса посредством этого акта реституции Европа неизбежно должна обрести ясность видения, чтобы справиться с западным вопросом посредством аналогичного акта реставрации.

Западная Македония должна пойти по пути своего восточного собрата. Как и проблемы Востока, проблемы Запада для Европы двояки — это ближневосточный и дальневосточный вопрос. Ирландия, владычица морей, представляет для Европы ближневосточный вопрос.

Свобода этих морей и их открытость для всех европейских усилий на равных условиях составляет главный западный вопрос. Но в обоих случаях антагонист Европы, неевропейская держава одна и та же. Вызов Европы должен быть брошен Англии, а чемпионом Европы должна быть и может быть только Германия. Ни у одного другого европейского народа нет такой силы духа, целеустремленности и вооруженности, чтобы совершить великий акт освобождения. Европа, слишком долго ослепленная собственными жизненно важными интересами, будучи разобщенной, должна теперь, под руководством объединенной Германии, решительно столкнуться с проблемой освобождения морей.

Эта морская война неизбежна. Война может вестись на континенте; она может вестись в воздухе — она должна быть урегулирована на морях, и это должно означать либо освобождение этих морей, либо постоянное исключение европейцев из мировых дел. Это означает для Европы будущее, само существование европейской цивилизации в противовес англосаксонскому мировому господству. В этой войне Германия будет не одинока как чемпион Европы, она будет бороться за свободу всего мира.

Как ирландец, я не боюсь последствий немецкого триумфа для Ирландии. Я молюсь об этом, ибо с наступлением этого дня "ирландский вопрос", столь дорогой британским политикам, становится европейским, мировым вопросом.

С унижением Великобритании и уничтожением ее морских владений европейская цивилизация приобретает новый облик, и Ирландия, старейший и в то же время самый молодой из европейских народов, вступит в свободное партнерство с цивилизацией, культурой и процветанием, которые этот акт освобождения принесет человечеству.

Сноска 5: (возврат)

Мистер Фредерик Харрисон в "Английском обозрении", январь 1913 г.

Глава VI

ДОЛГ ХРИСТИАНСКОГО МИРА

Ранит только правда. Ирландец сегодня, имея дело с англичанами, вынужден, если он говорит правду, ранить. Вот почему так много ирландцев не говорят правды. Ирландец, будь он крестьянином, батраком на ферме, как бы низко он ни опустился по шкале англизации, все равно в воображении, если не всегда в манерах, остается джентльменом. Англичанин становится джентльменом случайно, в силу обстоятельств, по счастливой случайности рождения или какой-то редкой возможности раннего общения. Ирландец по натуре джентльмен и боится ранить чувства другого человека, и особенно того, кто ранил его. Он презирает то, что на нем вымещают таким образом. Вот почему задача плохого управления им была такой легкой и так естественно далась англичанину. Одной из главных обид ирландца в средние века было то, что человек, ограбивший его, был таким грубияном. Оскорбление усугублялось тем, что угнетатель был не рыцарем в сверкающих доспехах, а самым настоящим мужланом; для вежливого и культурного ирландца это был "бодачий сассенах", человек низкой крови, низкой хитрости, заботящийся только о вещах телесных, без всякого почтения к вещам духовным — словом, без музыки в душе. То, что любил ирландец, он и представить себе не мог. Не имея ни традиций, ни истории, он сам не мог понять страстной привязанности ирландца и к тому, и к другому, и он продолжал стирать и то, и другое, насколько это было в его силах, с карты Ирландии и из сознания ирландца.

Выполнив, как он полагал, с некоторым трудом свою задачу, он сегодня поражен результатом. Ирландец все еще чем—то недоволен - более того, Ирландия говорит о "несправедливости". Но разве она не заполучила его? Чего еще ей желать, кроме его кошелька? И это тоже она сейчас принимает. Потворствуя приятному самоощущению, которое восполняет для него недостаток воображения, он видит Ирландию сегодня как разновидность "крепкого попрошайки", наполовину нищего, наполовину карманника, сбегавшего с заработков своего тяжелого трудового дня. Прошное ускользает от него, как сон. Разве он не делал все, что в его силах, в течение многих лет, ну, конечно, в течение тридцати лет, целого поколения, целой жизни, чтобы удовлетворить требования этой непрестанной страны, которую он удовлетворит вам скорее в печали, чем в гневе, в прошлом плохо управляли? Это было его несчастьем, а не его виной. Это постоянно повторяющаяся фаза постоянной галлюцинации в его крови. Ирландия никогда не *была*, а только всегда была проклята английским правлением. Сам он, современный англичанин, всегда был простым, грубоватым, добросердечным парнем. Его отец, если хотите, его дед, очень возможно, плохо управлял Ирландией, но никогда он сам. Да что вы, только посмотрите на него сейчас, его рука никогда не вынимается из кармана, чтобы унять пронзительные крики ирландского горя. Вот она стоит, нищая мегера, у его двери, грозя ему костлявым кулаком, кельтский швейцар в ее глазах, самое страшное привидение в истории, его

поденщица, позорящая его перед соседями и требующая оплаты за давно прошедшие весенние уборки, о которых он, добрая душа, совсем забыл или, совершенно уверен, которые были проведены в то время. Да, вот она стоит, ирландская поденщица, со старой метлой в руке и готовится к последней уборке, которая сделает дом уютным и пригодным для ее собственных детей. А Джон Буль, честный, стойкий Джон Буль, верящий, что дом принадлежит ему, думает, что единственное, что стоит между ним и этой женщиной, - это вопрос заработной платы; что все, чего она хочет, - это лишний шиллинг. Ирландия хочет только одного на свете. Она хочет, чтобы ее дом принадлежал только ей, а незнакомца не было в ее доме.

Хотя в глубине души Джон Буль прекрасно осознает это, он (по причинам, изложенным Ричардом Коксом) твердо убежден, что ничто не заставит его выйти из дома. "Разлука немислима", - говорят английские министры. Задача Ирландии сегодня та же, что и всегда, — выгнать незнакомца из дома. Ирландии и ее сыновьям не стыдно за то, что до сих пор они терпели неудачу в каждой попытке. Эти попытки - огненные столпы в ее истории, маяки света в пустыне греха, где ирландский Израиль все еще блуждает в поисках земли обетованной. Немногие из народов Европы, составляющих сегодня концерт держав, без посторонней помощи изгнали захватчика, который их сдерживал, и ни один из них не оказался в ситуации Ирландии.

Как писал мистер Гладстон в 1890 году: "может ли кто-нибудь сказать, что мы поступили бы так с Ирландией, если бы она находилась не между нами и океаном, а между нами и Европой?"

Представляя схему мягкого самоуправления, получившую название Законопроекта Советов в 1907 году, мистер Биррелл предварял ее замечанием, что "отделение было немислимо - за исключением случая какого-нибудь великого мирового катаклизма". Мировые катаклизмы до сих пор не достигли Ирландии — Англия вмешалась слишком умело. Она сохранила свою власть за счет морской мощи. Одинокая Андромеда издалека увидела спасающего Персея, обнаженную фигуру на побережье Испании или Франции, но задолго до того, как он долетел до ее прикованных к камням ног, она увидела, как он упал, весь в синяках и искалеченный, и был съеден наблюдающим за ним морским чудовищем.

Если бы Италия оказалась в таком же положении, как Ирландия, отрезанная от любой внешней помощи, кроме как через море, удерживаемое безжалостным тюремщиком, была бы она сегодня свободным народом, союзником Австрии на условиях полного равенства?

Вся кровь, пролитая основателями современной Италии, была бы пролита напрасно — та кровь, которая освятила меч Гарибальди, — если бы не эгоистичная политика Луи Наполеона и вторгшихся армий Франции. Италия, не больше, чем Ирландия, могла бы освободиться, если бы не помощь из-за рубежа. Покойная королева Виктория ясно видела эту параллель, и как наследственный опекун Ирландии, Ее Величество протестовала против предпринимавшихся в то время усилий по освобождению Италии из австрийской тюрьмы, в то время как ей самой было так трудно удерживать Ирландию в английской тюрьме. В письме своему премьер-министру от 25 июля 1848 года Ее величество сказала:

"Королева должна сказать лорду Джону (Расселу) то, что она неоднократно говорила лорду Пальмерстону, но без видимого эффекта, что установление сердечного согласия с Французской Республикой с целью изгнания австрийцев из их владений в Италии было бы позором для этой страны. В том, что французы придали бы этому величайшее значение и извлекли бы из этого

наибольшую выгоду, не может быть никаких сомнений. Но как Англия предстанет перед миром в тот момент, когда она борется за свое господство в Ирландии?...", а 10 октября следующего года Ее Величество написала своему дяде, первому королю Бельгии (который был обязан своей новоиспеченной короной бельгийскому народу, лишившему голландского суверена его "законных владений") следующие запоминающиеся слова:

"На самом деле, когда Ирландия дрожит в наших руках и готова в любой момент отказаться от своей верности, для нас совершенно аморально заставлять Австрию отказаться от ее законных владений. Что мы скажем, если Канада, Мальта и т.д. Начнут беспокоить нас? Мне ужасно больно". (Страница 237, Письма королевы Виктории, опубликовано по приказу Его Величества короля Эдуарда VII.)

Гораздо больнее для Айрленд было то, что она не смогла сбросить руку, которая держала ее "дрожащей в наших объятиях", и так скоро положить ее "трупом на стол для вскрытия".

Ирландии не удалось завоевать свою свободу не столько потому, что она не пролила свою кровь, сколько потому, что ее положение в мире - это как раз та уникальная ситуация, которую я стремился изобразить. Принадлежа Европе, она не была Европой; и Англия с упорством, которое было бы достойно восхищения, не будь оно столь преступным по намерениям и результатам, направила все свои усилия, всю свою энергию, непоколебимую политику и безжалостный меч на расширение границ отчуждения. Вообще приближаться к Ирландии с тех пор, как первый английский Монарх наложил на нее руки, было "совершенно аморально". Когда Фридрих Гогенштауфен (так давно это было!) отправил своего секретаря (ирландца) в Ирландию, мы читаем, что английский король Генрих III заявил, что "это причиняет ему ужасную боль", и приказал внимательно следить за всеми отъездами вернувшегося ирландско-немецкого государственного деятеля.

Страшным оскорблением Хью О'Нила перед Елизаветой было гораздо меньше его мятежа, чем его "практики" с Испанией. При каждом прекращении боевых действий в течение Девятилетней войны, которую он вел с Англией, она пыталась добиться от него отказа от "иностранной помощи", главным образом "помощи Испании". "Ничто так не сделает предателя (О'Нила), как его публичное признание любых испанских обычаев и его отречение от любых способов общения с любыми иностранцами".

Если бы О'Нила можно было заставить публично отказаться от помощи из-за рубежа, это имело бы, по мнению королевы, такой эффект, что "в Испании... надежды на такие попытки могут рухнуть".

Пока море было открыто для Испании, существовала серьезная опасность. Если бы испанец и ирландец сошлись близко друг к другу, преступление О'Нила действительно "стоило бы сделать вульгарным" — все мужчины увидели бы силу объединения и слабость изоляции.

"Присылайте мне все новости, которые вы получаете из Испании, потому что Тайрон наполняет все эти места странной ложью, хотя отчасти это правда, что туда прибыл какой-то боеприпас". Именно потому, что О'Нил был государственным деятелем и знал настоятельную необходимость сохранения Ирландией связей с Европой, для Елизаветы он стал "главным предателем Ирландии — отверженным от Бога, предназначенным для меча".

Испания была для англичан елизаветинской эпохи тем же, чем является Германия сегодня.

"Я осмелился бы сказать здесь одно слово моим ирландским соотечественникам всех политических убеждений. Если они воображают, что смогут выстоять политически или экономически, пока Британия падет, они жестоко ошибаются. Британский флот - их единственный щит. Если он будет разбит, Ирландия погибнет. Они вполне могут от всего сердца броситься на общую защиту, ибо ни один меч не может пронзить Англию, не задев ее острием сзади". (Сэр Артур Конан Дойл в *"Двухнедельном обозрении"*, февраль 1913 г., "Великобритания и следующая война".)

Голос очень старый, и пугало долгое время несло службу в Ирландии. Когда сегодня можно опасаться свободы со стороны Германии, Ирландию предостерегают от немцев. Когда триста лет назад маяк надежды засиял на побережье Испании, именно испанцы были плохими людьми в истории.

Брат Маттео де Овьедо, которого отправили в Ирландию в качестве архиепископа, написал королю Филиппу III из крепости О'Нила, Данганнона, 24 июня 1600 года. Возможно, мы прислушиваемся к голосу вчерашнего *"Двухнедельного обзора"*. "Англичане прилагают большие усилия для заключения мира, предлагая отличные условия, и с этой целью вице-король дважды посылал гонцов к О'Нилу, сообщая, среди прочего, что Ваше величество заключает мир с королевой и что его положение будет безнадежным. В других случаях он говорит, что со страной не могло случиться большего несчастья, чем появление в ней испанцев, потому что они надменны и порочны, и они разрушили бы страну". Ирландские принцы не были дураками. "На все это они с честью отвечают, что будут держаться до тех пор, пока у них будет хоть один солдат или останется корова, которую можно съесть".

Хью О'Нил ясно видел, что любой компромисс между Ирландией и Англией бесполезен и что путь к спасению лежит через полное отделение и лежит только через Европу. Он снова и снова умолял испанского короля отделить Ирландию и превратить ее в союзное государство. Он предложил корону Ирландии испанскому принцу, точно так же, как тремя веками ранее другой великий О'Нил предложил корону Ирландии Эдуарду Брюсу в 1315 году.

Приход Брюса спас гэльскую Ирландию на три столетия. Если бы Филипп Испанский отправил своего сына королем в Ирландию, ее судьба была бы решена уже тогда, вместо того чтобы оставаться тремя столетиями позже и все еще сталкиваться с нерешенной проблемой европейского государственного управления.

Во многих письмах, адресованных ирландскими лидерами Филиппу II и Филиппу III, мы находим постоянно повторяющееся предупреждение о том, что оставить Англию во владении Ирландией означало падение Испании. Ирландские принцы знали, что, сражаясь с Англией, они на самом деле сражались в битве за европейскую цивилизацию.

В письме Филиппу II из Лиффорда 16 мая 1596 года О'Нил и О'Доннелл обратили внимание короля на дело Ирландии как дело Европы и от имени Ирландии предложили корону испанскому принцу. "Но поскольку мы причинили нам огромный и неопиcуемый вред злодеяниями и преступлениями тех, кого королева Англии имеет обыкновение посылать к нам, мы просим и умоляем Ваше Величество прислать кого-то, кто вам хорошо известен и идеально подходит на роль короля этого острова, для его собственного благополучия, нашего и христианского государства (Christendom)".

Они просили о принце, "который не откажется править и жить среди нас, а также хорошо и мудро направлять нашу нацию". Они указывали, что "поступая таким образом, он получит много преимуществ и славы", и, наконец, просили "о том, чтобы Ваше величество назначили эрцгерцога Австрийского, ныне губернатора Фландрии, известного человека, достойного всяческих похвал, болееекогого нет". (Оригинал на латыни находится в архиве Симанкаса.)

Из Ирландии никогда больше не раздавалось призывов государственного деятеля; и если бы эрцгерцог Австрийский принял корону Ирландии в 1596 году, "сейчас или никогда" действительно превратилось бы в "отныне и навсегда". Если бы Филипп II выполнил свои часто повторяемые обещания направить помощь в эту страну, судьба его собственного королевства, должно быть, была бы совсем иной.

"Я хотел бы, чтобы у меня была возможность из уст в уста показать важность этого предприятия и великую услугу, которую оно могло бы оказать Богу и Его Церкви, икакое *огромное преимущество принесло бы Вашему Величеству и миру в Ваших Государствах нападение на врага здесь*".

Так писал в 1600 году Филиппу II, архиепископу Дублина, уже цитировавшийся Маттео де Овьедо.

Этот прелат был специально направлен в Ирландию, "чтобы увидеть и понять состояние страны, искаженное английскими эмиссарами при иностранных дворах".

Гнев Элизабет против О'Нила был в значительной степени вызван тем, что он поддерживал связь с континентом, в результате чего ложь ее агентов за границей была выставлена на посмеище ей самой. Эссексу, своему вице-королю, она писала: "Тайрон ознаменовал в чужих краях разгром полков, гибель капитанов и потерю знатных людей повсюду".

О'Нил годами побеждала не только своих генералов на поле боя, но и саму себя и своих советников в их собственной игре. Эссексу, в экстазе ярости из-за потери последней посланной великой армии, она писала (17 сентября 1599 г.): "Доверять этому предателю под присягой - значит доверять дьяволу в его религии. Только в одном мы уверены (ибо видим это на деле), что вы так плохо обошлись с нами своей войной, что мы не можем не ревновать, как бы нас не настиг этот договор".

(Эссекс хотел привлечь О'Нила к участию в договоре, который, хотя и якобы признавал условия ирландского принца, должен был дать королеве время для достижения ее цели.)

Ирландские принцы знали Елизавету и ее министров так же хорошо, как она читала Эссекса. "Не верьте новостям из Ирландии о каком-либо соглашении в этой стране, - писали они Филиппу II в 1597 году. - Королева Англии сделала отличные предложения, но мы не нарушим нашего слова и обещания, данного вам". В письме, написанном годом ранее (18 октября 1596 г.), отвечая специальному посланнику, отправленному королем, они сказали: "С тех пор как прежние посланники покинули нас, мы использовали все средства, которые были в наших силах, как мы и обещали, чтобы выиграть время и тянуть время изо дня в день. Но как мы могли бы навязаться такому умному врагу, столь искусному во всевозможных хитростях и обмане, если бы мы не прибегали к большому притворству, и особенно если бы мы не притворялись, что стремимся к миру? Мы будем твердо и непоколебимо выполнять обещания, которые мы дали

Вашему Величеству до нашего последнего вздоха; если мы этого не сделаем, то сразу навлечем на себя гнев Божий и презрение людей".

О том, насколько верно они сдержали эти обещания и как испанский король не выполнил своего, свидетельствует их судьба и горькое крушение их страны. Любому, кто читает государственные газеты Ирландии, становится совершенно ясно, что людям, сражающимся за Ирландию, приходилось сталкиваться с Елизаветой и ее государственными деятелями с помощью какой-то ее собственной хитрости.

Эссекс в одном из своих "ответов" написал: "Я советую Ее Величеству разрешить мне по возвращении в Дублин заключить этот договор, уступив часть их грантов в настоящее время; и когда Ее Величество сделает тайные приготовления, позволяющие мне возбудить судебное преследование, я найду достаточно ссор, чтобы разразиться и нанести им смертельный удар".

Ирландцы, однако, потерпели неудачу в этом соревновании. Они не были достаточно хорошими лжецами, и им не хватало высокого уровня злодейства, необходимого для продолжения поединка. Основным английским способом нанесения смертельного удара ирландскому патриоту во времена Тюдоров и намного позже было "убийство". Яд часто заменял нож, и его часто вводили, завернув в лист британской Библии. Некий Аткинсон, зная религиозную натуру Сесила, премьер-министра королевы, основателя длинной череды государственных деятелей, в первую очередь защитников Церкви и Книги, предложил избавиться от О'Нила с помощью неких "отравленных Хозяев". Это предложение использовать Святое Причастие в качестве настоящей Тайной вечери в память о последнем из известных великих ирландских вождей было одобрено Сесилом.

Другой британке по имени Анниас было предъявлено обвинение в отравлении "самой опасной и открытой мятежницы в Мюнстере" Флоренс Маккарти Мор, великой Маккарти. Премьер—министр Елизаветы благочестиво одобрил этот поступок, "хотя в его душе никогда не возникало мысли согласиться на отравление собаки, не говоря уже о христианине" .

Кэрю, президенту Мюнстера, Сесил написал письмо, предписывающее убить молодого графа Десмонда, который в то время "находился на попечении Кэрю": "Что бы вы ни сделали, чтобы отстранить его от Провидения, никогда не будет вменено вам в вину, но королева чрезвычайно одобрит это". После этого мы не удивляемся, узнав, что в своих инструкциях Маунтджоу, преемнику Эссекса, королева рекомендовала "его особой заботе сохранять истинное отправление религии среди ее любящих подданных". Поскольку О'Нил все еще находился на поле боя с большой армией, она благоразумно указала, однако, что время "не позволяло ему вмешиваться с какой-либо суровостью или насилием в вопросы религии до тех пор, пока ее власть там не утвердится лучше, чтобы поддержать его действия". То, что современное ирландское общественное мнение верно оценило характер их противника, ясно видно из письма, написанного Джеймсом Фитцтомасом, племянником великого графа Джеральда Десмондского, Филиппу II. "Правительство англичан таково, что сам фараон никогда не пользовался подобным; ибо они не довольствуются всем временным процветанием, но жестокостью желают нашей крови и вечных разрушений, чтобы стереть всю память о нашем потомстве — ибо этот Нерон в свое время был намного хуже той королевы в жестокости".

Ирландские вожди достойно выполнили свою роль в противостоянии этому сочетанию силы и вероломства и заслужили, исходя из высших политических соображений, помощь, столь часто

обещанную королем Испании. Они показали ему не только своей доблестью на поле боя, но и своим мудрым советом, насколько велика роль Ирландии в делах Европы, если он только захочет извлечь из этого выгоду и внести свой вклад.

В этом испанский король потерпел неудачу. Филипп II умер в 1598 году, слишком погруженный в религиозные испытания, чтобы понять, что центром его скорби было владение Ирландией женщиной-Нероном. С его сыном и преемником поддерживалась связь, и в письме Филиппа III О'Нилу, датированном из Мадрида 24 декабря 1599 года, мы читаем: "Благородный и всеми любимый, я уже написал совместное письмо вам и вашему родственнику О'Доннеллу, в котором я ответил на письмо вас обоих. Этим письмом, которое я сейчас пишу вам лично, я хочу дать вам знать о моей доброй воле по отношению к вам, и я намерен доказать это не только словом, но и делом". Это обещание не было выполнено, или выполнено настолько неадекватно, что помощь, когда она пришла, оказалась недостаточной для удовлетворения потребностей данного случая.

История рассказывает нам, какими печальными последствиями для дела цивилизации в Ирландии обернулась неспособность испанского короля осознать величие своей ответственности. Но зло поразило не только Ирландию. Европа потеряла больше, чем ее историки до сих пор предполагают, из-за слабости намерений, позволившей Ирландии пасть, пронзенной мечом Елизаветы.

Если бы судьбой Европы тогда управлял Гогенцоллерн, а не испанский Габсбург, насколько иным могло бы быть будущее мира!

Хотя Европа забыла Ирландию, Ирландия никогда не забывала Европу. Естественный форпост и страж этого континента на Западе вот уже триста лет, с кляпом во рту и связанный, с момента бегства в Рим ее последних туземных принцев, он стоит сегодня так же, как во времена Филиппа III, хотя и изгнанный из европейской цивилизации, тем не менее отвергающий островную традицию Англии, как она отвергла свою островную Церковь. И теперь еще раз в своей карьере она обращается к величайшему из европейских государей, чтобы привлечь его внимание к старейшему и, безусловно, самому верующему из европейских народов. Ирландия уже многое отдала Германии и многим обязана ей.

В темные века связи между кельтскими народами Запада, Рейнландии и Баварии были тесными и продолжительными. Ирландские монастыри процветали в самом сердце Германии, и немецкая архитектура, возможно, внесла свой вклад в некоторые из самых красивых кафедральных церквей Ирландии.

Клонферт и Кэшель, возможно, являются одними из наиболее ярких примеров влияния тех давних отношений с Германией. Сегодня, когда мало что осталось от ее прошлого, достойного почитания, ее древний язык на том, что казалось ложем смерти, во многом обязан своим сегодняшним возрождением немецкой науке и культуре. Вероятно, выдающимся исследователем гэльского языка наших дней является заведующая кафедрой кельтского языка Берлинского университета, и Ирландия признает с благодарностью, которую ей нелегко выразить, все, чем ее древняя литература обязана гению и любящему интеллекту доктора Куно Мейера.

Имя Ирландии может быть известно на биржах или в канцеляриях Европы; оно не лишено интереса, даже известности, в центрах немецкой академической культуры. Но автор

настоящего произведения полагает, что немецкое государство также может быть заинтересовано в политической судьбе Ирландии.

Морис Фицджеральд, объявленный вне закона претендент на графство Десмонд, писал Филиппу II из Лиссабона 4 сентября 1593 года:

"Мы сочли правильным умолять ваше Величество прислать помощь, которую вы сочтете нужной, и вместе с ней отправить нас (ирландских беженцев на полуострове) защищать и поддерживать то же самое начинание; ибо мы надеемся, что с Божьей помощью Ваше Величество одержит победу, завоюет и будет считать своим королевством Ирландию.— Мы верим в Бога, что Ваше Величество и Совет хорошо взвесят преимущества, которые последуют для христианского мира от этого предприятия, поскольку возможность так хороша, дело такое справедливое и весомое, а предприятие так легко завершить".

История человеческой свободы написана кровавыми буквами. Это закон Божий. Ни один народ, который цепляется за безопасность, который избегает смерти, не достоин свободы.

Мертвые, которые умирают за Ирландию, - единственные живые люди в свободной Ирландии. Остальные - скот. Свобода поддерживается в крови человека только пролитием этой крови. Это не был акт иностранного парламента, которого они добивались, эти великолепные "презирающие смерть", парни и юноши из Майо, которые с бесстрашной радостью ожидали наступления английской армии, только что потерпевшей поражение при Гумберте в 1798 году. Тогда, если вообще когда-либо, ирландцы могли бы бежать от победоносного и безжалостного врага, который, захватив в плен французского генерала и хладнокровно убив семьсот крестьян Киллалы, выступавших под его знаменами, теперь пришел в саму Киллалу, чтобы отомстить последнему оплоту ирландского восстания.

Плохо руководимые и наполовину вооруженные крестьяне, последние ирландцы в Ирландии, выдержавшие ожесточенную борьбу за свободу своей страны, пошли навстречу английской армии, как говорит видевший их протестантский епископ: "бежали навстречу смерти с таким же безразличием, как если бы они спешили на представление".

Покойная королева Виктория в одном из своих писем своему дяде, королю Бельгии, так писала о неудавшемся восстании пятьдесят лет спустя, в 1848 году:

"Существует достаточно средств подавить восстание в Ирландии, и я думаю, что оно, скорее всего, пройдет без какого-либо сопротивления, о чем люди (и я думаю, справедливо) скорее сожалеют. Ирландцы должны получить *хороший урок, иначе они начнут все сначала*". (Стр. 223, том II. Письма королевы Виктории.) Ее Величество была глубоко права. Ирландия нуждалась в этом уроке в 1848 году, как она нуждается в нем еще больше сегодня. Если бы ирландцы умирали в 1848 году так же, как они умерли в 1798 году, Ирландия была бы сегодня на пятьдесят лет ближе к свободе. Именно потому, что прошло столетие с тех пор, как Европа увидела Ирландию готовой умереть, сегодня Европа забыла, что она жива.

Как я начал это эссе с замечания Чарльза Лавера о Германии, так и закончу его здесь замечанием Лавера о его собственной стране, Ирландии.

В письме другу в Дублин он, таким образом, поместил эпитафию Европы на могиле поколения, которое верило, что "ни одно человеческое дело не стоило пролития ни капли человеческой крови".

"Что касается Ирландии, то всем иностранным симпатиям пришел конец из-за недавней трусости и малодушия патриотов. *Даже итальянцы могут сражаться*" (Письмо К. Левера из Флоренции, 19 августа 1848 г.).

Ранит только правда. Именно этот упрек был проклят Ирландией на протяжении столетия.

Мятеж, естественная одежда ирландца, на протяжении ста лет был бескровным мятежом. Именно эта огненная рубашка Нессуса свела с ума наших сильных мужчин. Как с честью пролить свою кровь, как отдать свои жизни за Ирландию — это была и остается проблемой ирландской национальности.

Глава VII

СВОБОДА МОРЕЙ

Было бы бесполезно пытаться предсказать детали борьбы между Великобританией и Германией. Это задача, которая принадлежит военному ведомству двух государств. Я взял на себя задачу просто указать, что такая борьба неизбежна, и указать на то, что я считаю главными факторами конфликта, и на то, что один из них, Ирландия, и это, несомненно, самый важный фактор, был упущен практически всеми предшественниками Германии в попытке добиться успеха на море. Испанцы в правление Елизаветы, французы Людовика XIV и Директории, правда, предприняли некоторые шаги, чтобы оспорить контроль Англии над Ирландией, но вместо того, чтобы сосредоточить свои силы на этом направлении атаки, они довольствовались тем, что растрачивали их на отдельные экспедиции и ни разу не продвинулись в наступлении на один пункт, который, очевидно, был ключом ко всей позиции противника. В любой период в течение последних трех столетий, после исчезновения Ирландии, Англия была если не фактически во власти своих противников, то, безусловно, доведена до бессилия за пределами своих собственных берегов. Но в то время как Англия знала ценность Ирландии для себя, она в полной мере оценила тот факт, что это выгодное соседство находилось с правой стороны от нее, скрытое от глаз Европы.

"Станет ли кто-нибудь утверждать, - сказал Гладстон, - что мы осмелились бы поступить так с Ирландией, если бы она находилась не между нами и океаном, а между нами и континентом?" И в то время как большая часть Англии, раздутая до огромных размеров за счет завоеваний, которые она извлекла из Ирландии, встала между ее жертвой и Европой, ее континентальные противники сами стали жертвами того странного психического заболевания, которое психологи называют коллективной иллюзией. Весь мир увидел то, чего на самом деле не существовало. Величие Англии, какой они ее видели, внушительной, могущественной и торжествующей, заключалось не в скалистом основании, которое, как им казалось, они видели, а в разграбленном, обнищавшем и истекающем кровью объекте, которого они никогда не видели. И так происходит сегодня. Британская империя - великая иллюзия. Во многом напоминающая Священную Римскую империю, она не британская, это не Империя, и, конечно же, она не святая. Оно живет за счет крови и страданий одних, за счет избирательного права и взаимной ревности других и за счет постоянной иллюзии всех. Скорее, это Институт великой нищеты.

Теперь Англия, вместо того чтобы "грабить от полюса до полюса", как однажды определил ее деятельность Джон Митчел, просит милостыню от полюса к полюсу, чтобы все и вся протянули ей руку помощи, чтобы сохранить награбленное. Китайцы, гуркхи, сикхи, малайцы, ирландцы, китайцы, южноафриканские голландцы, австралийцы, маори, канадцы, японцы и, наконец, "Дядя Сэм" — вот основные компоненты, которые при умелом смешивании из Лондона дают красящий материал для полотна мирового масштаба. Если мы уберем Индию, Египет и другие цветные расы, то оставшееся белое население значительно уступает населению Германии и вместо того, чтобы быть компактным, неделимым целым, состоит из ряда широко разбросанных и разделенных сообществ, каждое со своими отдельными и поглощающими проблемами, и многие из них не являются британцами ни по расе, ни по языку, ни по привязанностям. Более того, если мы обратимся к цветным расам, мы обнаружим, что подавляющая масса подданных этой Империи имеют меньше прав внутри нее, чем за ее пределами, и занимают там более низкий статус, чем тот, который предоставляется большинству иностранцев.

Народ Индии намного превосходит по численности всех остальных граждан Британской империи, вместе взятых, и все же мы находим британских индийцев, проживающих в Канаде, если взять только один пример: в 1910 году они обратились к имперскому правительству с петицией о таких же благоприятных условиях въезда в эти британские владения, какими пользовались японцы.

Они указали, что японец может въехать в Канаду, показав, что у него при себе от шести до десяти фунтов, но что ни один британский индеец не может высадиться на берег, если у него нет сорока фунтов и он прибыл напрямую из Индии, что физически невозможно, поскольку прямой связи не существует. Но они пошли дальше, поскольку показали, что их "гражданство" Британской империи влекло за собой наказания, которые ни одно иностранное государство нигде к ним не применяло.

"Мы обращаемся, - сказали они, - и самым убедительным образом доводим до вашего сведения, что в таких зарубежных странах, как Соединенные Штаты Америки, Германия, Япония и Африка, против нас не действуют подобные дискриминационные законы, которым мы не обязаны никакой преданностью".

Таким образом, ясно, что за пределами белых или европейских рас Империя не имеет общего или равного гражданства и что, будучи далеко не единой, она более разделена в расовом отношении по отношению к самой себе, чем даже противостоящие азиатские и европейские нации, которым посчастливилось не быть объединенными общими имперскими узами.

Общее белое население этой несообразной массы в 1911 году составляло около 59 000 000 человек различных национальных и расовых линий, по сравнению с 66 000 000 белых мужчин в Германской империи, подавляющее большинство из которых имели немецкую кровь. И в то время как последние образуют дисциплинированное, самодостаточное, самоподдерживающееся и самозащищающееся целое, первые пополняются ирландцами, франко-канадцами и голландцами из Южной Африки, которых, по словам сэра Р. Эджкамба, следует считать "цветными".

Одно дело - раскрасить карту в красный цвет, но вы должны быть уверены, что ваши цвета действуют быстро и что запас красок не иссякнет. Англия, помимо ее собственных затруднений, сейчас столкнулась с такой перспективой. Великобритания больше не может рассчитывать на

Ирландию, этот самый плодovitый источник снабжения ее армии, флота и промышленности за последнее столетие, в то время как она сталкивается со снижением рождаемости, в значительной степени, следует отметить, из-за уменьшения притока ирландцев, более плодovitой и мужественной расы. В то время как ее внутренние способности к воспроизводству ослабевают, ее способность сохранять уже родившихся уменьшается еще более быстрыми темпами. Эмиграция угрожает устранить превышение числа рождений над смертями.

Пока сокращалось только население Ирландии (с 8 500 000 в 1846 году до 4 370 000 в 1911 году), Великобритания была не просто безмятежна, но и фактически радовалась сокращению численности, что делало ирландцев более управляемыми, и в то же время достаточно голодными, чтобы обеспечивать ее значительными излишками для армии, флота и промышленной экспансии в Великобритании. Теперь, когда ирландцы ушли, стремясь отомстить, становится понятно, что они не унесли свою месть с собой и что сама промышленная экспансия, которую они построили на своих умирающих от голода телах и обнаженных конечностях, содержит в себе семена великого возмездия.

"Поскольку свободная торговля разрушила наше сельское хозяйство, наша армия стала состоять из голодающих обитателей трущоб, которые, согласно немецким представлениям, лучше кричат, чем сражаются. Немецкие генералы указывали, что в южноафриканской войне наши регулярные и вспомогательные войска часто поднимали белый флаг и сдавались, иногда без необходимости, нескольким бурам, и они могут сделать то же самое с немецкими силами вторжения. Свободная торговля, которая "приносит пользу потребителю" и капиталисту, к сожалению, разрушила наше сельское хозяйство и вынудила практически все население Великобритании переселиться в города, уничтожив мужественность нации". (Современная Германия, стр. 251, автор Дж. Эллис Баркер, 1907). Армия обитателей трущоб - плохая основа для построения структуры вечного мирового господства.

В то время как военно-морской флот демонстрирует впечатляющий объем выпуска новых линкоров и крейсеров за 1913 год, который, как нам говорят, является рекордом по строительству всех военных кораблей в мире, для укрепления империй требуется не только железо, но и кровь. Линкоры могут превратиться в грудy плавучего металлолома (как русский флот при Цусиме), если людям, стоящим за орудиями, не хватит нужной выносливости и образования.

Мы также узнаем, что терпят неудачу не только обитатели трущоб, но и то, что для восполнения нехватки офицеров санкционируется большое количество переводов из торгового флота в Королевский военно-морской флот. К этому следует добавить призыв Великих Доминионов к солдатам и офицерам укомплектовать свои местные флоты. Поскольку жизненно важных ресурсов Англии становится все больше и больше недостаточно для отражения угрозы немецкой военно-морской и моральной мощи, она обращает свой взор на Ирландию, и мы узнаем из лондонской *"Дейли Телеграф"*, что план мистера Черчилля по вербовке в Квинстауне может послужить "поводом для поздравлений, поскольку из ирландских мальчиков получают отличные "синие куртки" с хорошим характером, послушные дисциплине, чрезвычайно быстрые и ловкие".

Поскольку я могу вспомнить статью в том же журнале, написанную в ходе англо-бурской войны, в которой Ирландия сравнивалась со "змеей, голову которой нужно раздавить каблуком", то

сегодняшняя похвала "Дейли Телеграф" ирландскому характеру должна оставить ирландских мальчиков глубоко равнодушными — и они все еще на берегу.

Есть еще один аспект растущего потока британской эмиграции. "Смерть забирает слабых, эмиграция забирает сильных. Канада, Новая Зеландия, Австралия и Южная Африка не нуждаются в больных и парализованных, или в тех, кто не способен работать по возрасту или молодости. Им нужны работники, и они их получают. Те, кто покинул Соединенное Королевство в 1912 году, являются не отбросами населения наших островов, а отборными. И они оставляют позади, с которыми приходится бороться нашим политикам, большее количество женщин, детей и инвалидов, чем когда-либо прежде". (*Лондонский журнал!*)

Преобладание женщин над мужчинами, и без того столь примечательная черта упадка Англии, с каждым годом становится все более заметной и, несомненно, объясняет прилагаемые сейчас напряженные усилия по привлечению ирландских мальчиков в британскую армию и военно-морской флот.

Если мы сравним показатели Германии и Великобритании, а затем сравним их с показателями Ирландии, мы с первого взгляда увидим, как низко опустилась Англия и насколько жизненно необходимо для нее восстановить баланс своего собственного избытка "боевиков" над мужчинами, похищая ирландскую молодежь на свои кастрированные службы и разжигая вражду Франции и России против плодотворного немецкого народа.

Германия, 1910 год, мужчины - 32 031 967; женщины - 32 871 456; всего 64 925 993. Избыток женщин - 739 489.

Великобритания, 1911 год:

Англия и Уэльс —мужчины 17 448 476; женщины 18 626 793; всего 36 075 269. Избыток самок, 1,178,317.

Шотландия —Мужчины, 2 307 603; женщины, 2 251 842; всего, 4 759 445. Избыток самок - 144 239.

Всего по Великобритании - 40 834 714. Превышение числа женщин - 1 322 556.

Таким образом, при населении гораздо менее двух третей населения Германии в Великобритании женщин почти вдвое больше, чем мужчин, чем в Германии, и эта диспропорция полов имеет тенденцию ежегодно увеличиваться. В каждом новом возвращении из эмиграции мы читаем, что Англию и Шотландию покидают мужчины, а не женщины. О том, что ирландская эмиграция, какими бы ужасными ни были ее разрушения 1846 года, все еще поддерживается на естественно более здоровой основе, свидетельствуют данные о сексе за 1911 год. Данные по Ирландии, полученные в ходе переписи, были следующими:

Ирландия —Мужчины, 2 186 802; женщины, 2 195 147; всего, 4 381 949. Избыток самок - 8 346.

Видно, что Ирландия все еще может выделить 100 000 или 150 000 мужчин для британских вооруженных сил и оказаться в не более тяжелом сексуальном положении, чем Шотландия или Англия. Именно для получения этого избытка крепкой ирландской мускулатуры г-н Черчилль и британское военное министерство сейчас рекламируют Ирландию.

В качестве иллюстрации беру следующее правительственное объявление из "Корк Ивнинг Эхо" (от марта 1913 г.):....

"Обратите внимание — Любому лицу, которое доставит рекрута для регулярных или специальных резервных подразделений армии офицеру по набору персонала в казармах Виктория, Корк, будет выплачено денежное вознаграждение, разрешенное за каждого рекрута, в размере от 1/6 до 5 / - каждого".

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали это, мы обнаружим, что английская империя в основе своей опирается на Ирландию, чтобы восполнить недостатки Британии. Доминионы далеко, и хотя они могут дать боевые корабли, они забирают людей. Ирландия совсем рядом — она отдает все и ничего не берет. Мужчины, разум, еда и деньги — все это она предлагала на протяжении веков, и именно на этом и неограниченном извлечении этих четырех вещей из этого богатого источника человеческой плодовитости и богатства была основана и поддерживается Британская империя. Заручиться сегодня доброй волей и активным сотрудничеством ирландской расы за границей, а также в Ирландии, и благодаря этой доброй воле заручиться союзом и поддержкой Соединенных Штатов стало руководящей целью британской государственной мудрости.

Законопроект о самоуправлении нынешнего либерального правительства является всего лишь мелким партийным выражением того, что все английские государственные деятели признают национальной потребностью. Если бы нынешнее либеральное правительство было завтра изгнано, их преемники-юнионисты поспешили бы привязать к себе Ирландию (и Америку) мерами, которые, в случае необходимости, пошли бы гораздо дальше. Это знает каждый юнионист. Ирландия всегда играет ключевую роль в сложившейся ситуации.

Я процитирую два заявления, одно английское и одно американское, чтобы показать, что самоуправление теперь стало имперской необходимостью для Англии.

Выступая в Палате лордов по законопроекту о самоуправлении, Эрл Грей, покойный генерал-губернатор Канады, сказал 27 января 1913 года:

"В интересах Империи я очень твердо убежден в том, что крайне важно, чтобы ирландский вопрос был решен таким образом, который удовлетворит настроения заокеанских демократий, как в наших самоуправляющихся колониях, так и в Соединенных Штатах. Я думаю, все согласятся с тем, что наиболее важно и в высших интересах империи, чтобы существовали самые дружеские чувства щедрой привязанности и доброй воли не только между самоуправляющимися Доминионами и Родиной, но также между Америкой и Англией.... Мне нет необходимости уточнять этот момент. Мы все согласны с этим. В настоящее время существует тяжелая тень, и она возникает из-за нашего отношения к Ирландии.... Если это так, то не является ли нашим долгом устранить препятствие, которое мешает нашим отношениям с Америкой стать такими, каких мы все желаем?"

Американское высказывание исходило от одного в равной степени представителя американских имперских интересов. Это книга мистера Рузвельта, опубликованная в "Ирландском мире" в Нью-Йорке, 8 февраля 1913 года.

"Я считаю, что принятие этой меры в качестве закона ... справедливо для установления доброй воли между англоязычными народами. Этому больше, чем чему-либо другому, помешала эта

несчастливая вражда, которая бушевала веками и урегулирование которой, я искренне надеюсь и верю, станет мощным вкладом в установление мира во всем мире, основанного на международной справедливости и доброй воле. Я искренне считаю, что эта мера в такой же степени отвечает интересам Великобритании, как и Ирландии".

Если бы мы судили об Ирландии только по многим публичным заявлениям, сделанным от ее имени, тогда, действительно, мы могли бы прийти в отчаяние от народа, который так много страдал и так доблестно сопротивлялся на протяжении стольких веков, а теперь был привлечен на сторону своего угнетателя, возможно, самым неприкрытым актом подкупа, когда-либо предпринятым правительством против народа.

"Пострадавшие нации не могут так полностью простить своих врагов, не потеряв при этом часть своей мужественности, и мне неприятно слышать, как лидер за лидером Парламентской партии без стыда заявляют, что самоуправление, когда оно будет завоевано для Ирландии, будет использовано в качестве нового орудия нападения в руках Англии на свободу мира в других странах".

Если бы Ирландская парламентская партия действительно представляла Ирландию в этом, благородный протест мистера Уилфреда Бланта в его недавней работе *"Сухопутная война в Ирландии"* означал бы презрительный импичмент не политической партии, а нации.

Мистер Редмонд в своей последней речи показывает, насколько верно мистер Блант изобразил цель своей партии; но к чести Ирландии следует отметить, что мистеру Редмонду пришлось выбрать не Ирландию, а Англию для ее достижения. Выступая на обеде в честь Дня Святого Патрика в Лондоне 17 марта 1913 года, мистер Редмонд, обращаясь к аудитории неирландского происхождения, таким образом приветствовал будущую роль, которую его стране предстоит сыграть при восстановлении того, что он называет "Национальным парламентом".

"Мы будем, при Самоуправлении, уделять наше внимание образованию, реформе Закона о бедных и вопросам такого рода, которые являются чисто внутренними, которые, если хотите, являются обычными ирландскими вопросами, и единственный способ, которым мы попытаемся вмешаться в любой имперский вопрос, будет заключаться в том, что наши представители в Имперском парламенте в Вестминстере будут делать все, что в наших силах, чтобы увеличить силу и славу того, что тогда, наконец, станет нашей империей; и отправляя в поддержку империи крепкие руки и храбрые сердца ирландских солдат и матросов, для поддержания мира в стране". традиции ирландской доблести сохранились во всех частях света. Это наша цель".

Если бы это действительно было амбицией Ирландии, если бы это отражало истинное чувство ирландцев к Англии и Английской империи, то самоуправление на таких условиях было бы проклятием и преступлением. Французский историк Тьерри является более верным выразителем страстных устремлений ирландского сердца, чем любой, кто сегодня стремился бы представить Ирландию как готовую продать свою душу не меньше, чем сильные руки и храбрые сердца ее сыновей за нечестивое дело.

".... Ибо, несмотря на смешение рас, на всякого рода взаимообщение, вызванное течением веков, ненависть к английскому правительству все еще существует как врожденная страсть в массе ирландской нации. С самого часа вторжения эта раса людей неизменно желала того, чего не желали их завоеватели, ненавидела то, что нравилось им, и любила то, что они ненавидели ... Это неукротимое упорство, эта способность сохранять на протяжении веков

страданий память об утраченной свободе и никогда не отчаиваться в деле, которое всегда терпит поражение, всегда фатальное для тех, кто осмеливался его защищать, - возможно, самый странный и благородный пример, когда-либо подававшийся какой-либо нацией". (*Histoire De La Conquete De L'Angleterre Par Les Normands*, Paris edition, 1846. Лондон, 1891.)

Французский писатель здесь видел глубже и говорил правдивее, чем многие, кто сегодня стремится не раскрывать ирландское сердце, о глубинных целях которого они забыли, а обменять его жизненную силу на уступку, которую завтра можно было бы добиться половиной этой крови, если бы она была пролита дома, таким образом, безосновательно предлагаемую "в качестве нового орудия нападения в руках Англии на свободу мира в других странах".

Ирландец, который, полагая, что наступило самоуправление или что любая мера самоуправления, предложенная лондонским парламентом, может заменить свободу его страны, вступает в британскую армию или военно-морской флот, является добровольным предателем своей страны. Почти все, что Ирландия производит или потребляет, должно вывозиться или прибывать исключительно через Англию и при уплате налога на транзит и перевозку для английской торговли.

Лондонская пресса в последнее время все больше возмущается тем, что Австрия отказала Сербии в порте на Адриатике, и нам сказали, что Сербия без порта - это Сербия, находящаяся в "экономическом рабстве", и что ее независимость иллюзорна, если у нее нет свободного выхода к морю. Но что с Ирландией? Имея не один, а целых сорок портов, лучших во всей Западной Европе, они бездействуют и пустуют. Имея более 1000 миль береговой линии, обращенной к Западу и удерживающей морской путь между Европой и Америкой, Ирландия, находящаяся во власти Англии, была низведена до состояния экономического рабства, не имеющего аналогов в цивилизации.

И именно к этому острову, к этому народу сейчас обращен призыв, чтобы мы не доверяли немцам и помогали нашим поработителям. Гораздо лучше, если бы это был единственный исход - судьба Эльзас-Лотарингии (которая много лет назад получила свой парламент Самоуправления), чем "дружба" Англии. Мы пережили открытую ненависть, длительное порабощение, вековой грабеж Англии, и теперь Англия улыбается и предлагает нам одной рукой Самоуправление, чтобы другой забрать его, неужели мы собираемся забыть опыт наших предков? К нам должна вернуться средневековая коннахтская пословица — "Человеку следует избегать трех вещей: лошадиных пяток, бычьих рогов и улыбки англичанина".

То, что Ирландия должна быть вовлечена в любую войну, которую затевает Великобритания, само собой разумеется; но то, что мы должны добровольно бросаться в бой не на той стороне, чтобы предотвратить поражение Британии, - это совет предателей, предлагаемый дуракам.

Мы должны позаботиться о том, чтобы то, что Тьерри написал о наших отцах, не было позорно опровергнуто их сыновьями. Наша "неукротимая настойчивость" до сих пор превосходила и подчиняла неизменную волю, направленную к одной неизменной цели тех, кто благодаря этому качеству в других местах подчинил себе вселенную. Мы, которые на протяжении веков страданий сохраняли память об утраченной свободе, сейчас не собираемся сливать наши непокоренные души с подлым телом нашего угнетателя.

Один из немногих либеральных государственных деятелей, которых произвела Англия, и, безусловно, единственный либеральный политик, которого она когда-либо произвела,

покойный мистер Гладстон, сравнил союз между Великобританией и Ирландией с "союзом между искалеченным трупом Гектора и стремительной колесницей Ахиллеса". (1890.)

Но, хотя я не могу признать, что Англия - Ахилл, за исключением, возможно, того, что она может быть ранена, как и он, в пятку, я не признаю, я не стану признавать, что Ирландия, какой бы изуродованной она ни была, какими бы "пахари ни вспахивали ее спину и оставляли длинные борозды", на самом деле мертва, это действительно труп. Нет; есть более справедливая аналогия, и ее приводит нам единственный англичанин, который в любом климате и при любых обстоятельствах был либералом; тот, кто погиб, сражаясь за дело свободы, как при жизни он ее воспевал. Байрон осудил союз между Англией и Ирландией как "союз акулы со своей добычей".

Глава VIII

ИРЛАНДИЯ, ГЕРМАНИЯ И СЛЕДУЮЩАЯ ВОЙНА

В февральском номере "*Fortnightly Review*" за 1913 год сэр Артур Конан Дойл в конце статьи "Великобритания и следующая война" призывает Ирландию признать, что ее интересы совпадают с интересами Великобритании в конечном поражении последней:

"Я осмелился бы сказать здесь одно слово моим ирландским соотечественникам всех политических убеждений. Если они воображают, что смогут выстоять политически или экономически, пока Британия падет, они жестоко ошибаются. Британский флот - их единственный щит. Если он будет разбит, Ирландия погибнет. Они вполне могут от всего сердца броситься на общую защиту, ибо ни один меч не может пронзить Англию, не достигнув острием Ирландии позади нее..."

Я предлагаю кратко показать, что Ирландия, далекая от того, чтобы разделить бедствия, которые неизбежно обрушатся на Великобританию в результате поражения от великой державы, могла бы, предположительно, таким образом достичь значительного процветания.

Я соглашусь с сэром А. Конан Дойлом в том, что поражение Великобритании от Германии должно быть причиной важных перемен в Ирландии: но я отличаюсь от него в том, что это изменение обязательно должно быть катастрофическим для Ирландии. Напротив, я считаю, что поражение Великобритании от Германии вполне могло бы (за исключением одного возможного условия) привести к большому выигрышу Ирландии.

Вывод о том, что Ирландия должна понести все бедствия и возможные потери, которые поражение повлечет за собой для Великобритании, основан на том, что можно назвать фундаментальной максимой, которая определяла отношения Великобритании с Ирландией на протяжении по меньшей мере трех столетий. Эта максима может быть выражена во фразе "Разделение немыслимо". Англичане пришли к непоколебимому убеждению, что независимо от того, что они могут сделать или что может случиться с ними, Ирландия должна принадлежать им неразрывно, быть связана с ними так же прочно, как Уэльс или Шотландия, и составлять вечную и неотъемлемую часть целого, судьба которого неразрывно находится в их руках. Хотя Великобритания, по их признанию, вполне могла бы жить отдельно (и счастливо) от Ирландии, благополучно "погрузившейся под воду", они никогда не представляли себе Ирландию, все еще находящуюся на плаву, которая могла бы существовать отдельно от Великобритании. Иногда,

как своего рода пугало, они навязывают Ирландии судьбу, которая постигла бы и ее, если бы Англия потерпела поражение и кто-то другой "забрал" ее. Ибо это необходимое следствие из уже изложенной фундаментальной максимы, согласно которой Ирландия, если и не принадлежит Англии, то обязательно должна "принадлежать" кому-то еще, кроме ее собственных жителей.

Британский взгляд на судьбу Ирландии в случае поражения Великобритании можно сформулировать как двоякий. Либо Ирландия останется после войны такой, какая она есть сегодня, привязанной к Великобритании, либо она *может* быть (это не очень серьезно воспринимается) аннексирована победителем. Никакого другого решения, я думаю, никогда не предлагалось. Давайте сначала обсудим № 1.

Это, по мнению обычного человека с улицы, означает, что, поскольку Ирландия будет такой же частью Великобритании после войны, как и до нее, каким бы ни было окончание этой войны, она не могла не разделить потери, которые поражение должно принести общему миру. Поскольку партнерство нерасторжимо, в случае ущерба кредиту дома и обесценивания его имущества пострадают все члены фирмы. С этой точки зрения, Ирландия, более слабая, бедная и менее способная восстанавливать силы, чем Великобритания, потеряет от поражения Великобритании даже больше, чем сам доминирующий партнер. Давайте сразу признаем, что эта точка зрения верна. Если бы в условиях большой войны Ирландия все еще оставалась такой, какой она является сегодня, неотъемлемой частью побежденного Соединенного Королевства, очевидно, что она пострадала бы, и ее могли заставить страдать, возможно, даже больше, чем выпало на долю Великобритании.

Но это не единственное окончательное поражение, которое может принести двум островам. Затем мы должны перейти к обсуждению № 2, альтернативной судьбы, уготованной Ирландии в маловероятном случае великого британского переворота. Это означает, что если существующее партнерство будет насильственно расторгнуто в результате внешнего шока, это будет означать для Ирландии "попадание со сковородки в огонь". Идея здесь в том, что я ранее обозначил как идею "человека-пугала". Германия или другой победитель в великом конфликте приступил бы к "захвату" Ирландии. Ирландия, управляемая, скажем, пруссаками, вскоре горько пожалела бы о более мягких манерах англосаксов и затосковала бы по старым добрым временам "долов" из Вестминстера. Я знаю многих ирландцев, которые признают, что в отношениях между Англией и Германией они предпочли бы остаться в руках первой — по принципу, что лучше оставить дьявола, которого ты знаешь, чем попасть в руки нового дьявола.

Вас просят поверить, что правление Германии будет настолько плохим, настолько суровым, что при нем Ирландия, как бы сильно она ни страдала от Англии в прошлом, вскоре возжелает вернуться в объятия своей скорбящей сестры. Предполагая, ради аргументации, что Германия "аннексировала" Ирландию, совершенно ли ясно, что она нанесла бы (или даже могла бы) ущерб Ирландии больший, чем нанесла Великобритания? С какой целью и с какой целью? "Врожденная жестокость", — ответил англичанин. — "Пруссаки всегда плохо обращаются с теми, до кого дотрагиваются, — свидетелем тому бедные поляки". Не вдаваясь в вопрос о польском языке или польский аграрный вопрос, ирландцу позволительно ответить, что ничто со стороны Пруссии в этих отношениях вообще не сравнится с английским обращением с ирландским языком или с земельными операциями Англии в Ирландии. Польский язык все еще живет в прусской Польше, и гораздо более активно, чем ирландский язык выживает в Ирландии.

Но нет необходимости затушевывать этот вопрос ссылкой на прусско-польскую проблему. Ирландия, присоединенная к Германской империи (если предположить, что это возможно на международном уровне) как один из плодов победы Германии над Великобританией, явно управлялась бы как общее достояние немецкого народа, а не как прусская провинция. Аналогия, если ее можно провести в столь непохожих условиях, пролегла бы не между Пруссией и ее польскими провинциями, а между Германской империей и Эльзас-Лотарингией. Что же тогда было бы первостепенной целью Германии в ее управлении заморской империей, имеющей такое исключительное географическое значение для ее будущего, каким была бы Ирландия?

Очевидно, не для того, чтобы обеднить и подавить это недавно завоеванное владение, а для того, чтобы усилить его чрезвычайное стратегическое значение энергичным и мудрым управлением, с тем чтобы сделать его главным противовесом любому возможному восстановлению британского морского господства, которое в прошлом было в значительной степени обусловлено владением Великобританией этим островом.

Процветающая Ирландия, признающая, что ее собственные интересы совпадают с интересами новой администрации, несомненно, была бы первой и главной целью немецкой государственной мудрости.

Само географическое положение Ирландии само по себе обеспечило бы мудрое и умелое управление ее новыми правителями, если бы Германия не была особо заинтересована в повышении благосостояния Ирландии; ибо управлять из Гамбурга и Берлина отдаленным островом и недовольным народом при вмешательстве крайне недовольной и разделенной Британии с помощью методов эксплуатации и централизации было бы задачей, выходящей за рамки возможностей немецкого государственного управления. Таким образом, усилия Германии были бы явно направлены на создание Ирландии, удовлетворенной переменами и полностью преисполненной решимости сохранить их.

И следует помнить, что Германия, возможно, лучше подготовлена интеллектуально и образовательно для решения задачи развития Ирландии, чем даже Англия 20 века. Она уже столкнулась с серьезной проблемой и в значительной степени решила ее за сорок лет своего управления Эльзас-Лотарингией. Провинция, силой оторванная от истекающей кровью Франции и настолько чуждая своим новым хозяевам по отношению к чувствам, что Ирландия не могла быть чужда никаким изменениям власти, навязанным ей извне, за короткую жизнь удвоила благосостояние и значительно увеличила свое население, несмотря на распростертые объятия и настойчивый призыв Франции, и несмотря на правило, с самого начала осужденное как ненавистное.

Каким бы ненавистным ни был пруссак, он показал себя способным администратором и честным и наиболее способным инструктором. В его сильных руках Страсбург превратился из запущенного французского гарнизонного городка в большой и красивый город. Местный парламент уже дает населению чувство автономии, в то время как дворец и постоянное присутствие имперского князя подтверждают тот факт, что германский империализм, далекий от поглощения и централизации всей деятельности и полномочий империи в Берлине, признает, что немецкая национальность достаточно велика, чтобы допустить множество столиц, множество индивидуальностей и множество отдельных государственных образований в пределах надежного компаса одного великого организма.

То, что Ирландия, силой оружия отделенная от Британской империи и присоединенная к Германской империи, будет плохо управляться своими новыми хозяевами, немыслимо. Напротив, самые способные умы Германии, научные, коммерческие и финансовые, не в меньшей степени, чем военные и стратегические, были бы посвящены великой задаче обеспечения завоевания не только острова, но и интеллекта не безрассудного народа, и мудрого развития столь бесценного достояния, чтобы примирить его жителей через растущее процветание и превосходную администрацию со столь значительными изменениями в их политическом окружении. Можно ли сказать, что Англия, даже в самые светлые периоды своей жизни, приносила в правительство Ирландии свои лучшие усилия, своих самых способных людей или свою высшую цель? Ответ может дать Ли Хунг Чанг, дневник которого мы недавно прочитали. Записывая свое интервью с мистером Гладстоуном, китайский государственный деятель говорит: "Он говорил о ... Ирландия; и я был уверен, что он надеялся увидеть, что этой несчастной страной будут лучше управлять, прежде чем он умрет. "Они отдали Англии все самое лучшее, - сказал он, - а взамен получили только худшее из того, что было в Англии". "Несомненно, что Германия, завладев Ирландией, наверняка не отдала бы этой стране только самое худшее из Германии.

Во многих отношениях Ирландия выиграла бы от изменения направления, цели, намерений и, я добавлю, вдохновения и способностей ее новых правителей.

Нравились они ей с самого начала или нет, не имело значения. В этом они мало чем отличались бы от тех, кого она так долго и утомительно изучала, и если бы они привнесли в свою новую задачу новый дух и новое интеллектуальное оснащение, ирландцы не замедлили бы понять, что если им самим никогда не суждено править своей страной, они, по крайней мере, нашли в своих новых хозяевах нечто большее, чем агентов эмиграции.

Более того, для Германии не существовало бы никакого "ирландского вопроса", никакой "изможденной и навязчивой проблемы", которая парализовала бы ее мозг и неправильно оценила бы ее действия с их старыми ярлыками, насмешками и грязными побуждениями отрицать очевидное.

Для Германии существовал бы только английский вопрос. Не допустить, чтобы это когда-либо снова поставило под угрозу ее мировое будущее, было бы первой целью немецкой заморской государственной мудрости. И ясно, что мудрая и способная ирландская администрация, призванная созидать и укреплять изнутри, а не принижать и эксплуатировать извне, была бы верной целью победоносной Германии.

Теперь я обрисовал в общих чертах два возможных положения Ирландии, которые до сих пор британское мнение признавало возможными в маловероятном случае поражения Великобритании от Германии. Допускаются только эти две непредвиденные ситуации. Во-первых, Ирландия, разделяющая общую катастрофу, должна терпеть вместе со своим побежденным партнером все зло, которое великий переворот должен причинить Соединенному Королевству. Во-вторых, что Ирландия, если Великобритания потерпит полное поражение, предположительно может быть "взята" или аннексирована победителем и удерживаться как завоеванная территория, и в этом обличье она горько пожалеет о днях своего союза с Великобританией. Я попытался показать в ответ на последний аргумент, что, если бы аннексия победителем действительно последовала за поражением Великобритании, Ирландия, вполне

вероятно, сочла бы изменившиеся обстоятельства в значительной степени благоприятными для себя.

Но есть третье непредвиденное обстоятельство, которое я нигде не видел обсуждаемым или на которое намекали, и все же оно, по крайней мере, столь же вероятно, как № 1, и гораздо более вероятно, чем № 2 - поскольку я не думаю, что аннексия Ирландии европейской державой возможна на международном уровне, каким бы решающим ни было свержение Англии. Допускается (и именно на этой гипотезе строится дискуссия), что Великобритания может потерпеть поражение от Германии, и что британский флот может быть разбит, и вражеский меч может пронзить Англию. Такое свержение имело бы огромное значение для Европы и всего мира. "Трезубец" перешел бы из рук в руки, поскольку поражение Англии могло быть вызвано только уничтожением ее господства на море. Если бы помощь не пришла извне, находящаяся в блокаде Британия была бы в большей зависимости от милости победителя, чем Франция после Седана и Парижа. Победитель должен был убедиться, что условия мира, которые он навязал, были такими, которые, обеспечивая ему цели, за которые он сражался, были бы наименее вероятными условиями для того, чтобы спровоцировать внешнее вмешательство или сочетание встревоженных мировых интересов. Теперь, оставляя в стороне меньшие соображения, главной целью Германии в войне с Англией было бы обеспечение ее собственного свободного будущего на морях. Ибо если это обеспечено победой над Англией, все остальное, к чему она стремится, в конце концов должно принадлежать ей. Аннексировать сопротивляющиеся британские колонии само по себе было бы невыполнимой задачей — физически гораздо более невыполнимой задачей, чем аннексия Ирландии.

Аннексия Ирландии в качестве военной меры была бы сравнительно легкой задачей, как только было бы получено господство на морях. Никакие силы, которые Ирландия содержит или могла бы сама ввести в действие, не смогли бы оказать практического сопротивления даже одному немецкому армейскому корпусу. Не существует никакого арсенала или средств производства оружия. Население было разоружено в течение столетия, и горький опыт заставил его рассматривать применение оружия как уголовное преступление. Патриотизм рассматривался как уголовное преступление. Добровольцы и территориалы не для Ирландии. Ожидать, что разоруженное и деморализованное население, которое было усердно доведено дубинками до состояния физического и морального уныния, должно развивать военные добродетели перед лицом дисциплинированной армии, - значит приписывать ирландцам те самые качества, которые их критики единодушно отрицают. Фраза "Ирландец хорошо сражается везде, кроме Ирландии" стала общим местом: и поскольку все усилия правительства были направлены на обеспечение постоянного применения этой насмешки, англичане в конце концов сочли бы, что ошеломляющий успех их правления полностью оправдан физическим подчинением Ирландии новой силе, которая ее подавляла. Поскольку Великобритания была отрезана, а Ирландское море удерживалось немецкими эскадрами, никакая сила изнутри не могла оказывать сколько-нибудь эффективного сопротивления немецкой оккупации Дублина и военной администрации острова. Преобразованию этого в постоянную администрацию нельзя было противостоять изнутри, и с падением Великобритании и ее отделением от Ирландии победоносным немецким флотом, очевидно, что противодействие постоянному удержанию Ирландии победителем должно исходить извне, и именно по этой международной причине я думаю, что аннексию Германией какой-либо части побежденного Соединенного Королевства не нужно серьезно рассматривать. Такое полное изменение географии Европы, как Ирландия, принадлежащая Германии, не могло не вызвать всеобщей тревоги и широко распространенной комбинации,

направленной на то, чтобы воспрепятствовать его реализации. Пугало, что Ирландия, если не другой остров Джона Булля, то обязательно чей-то другой остров, на самом деле не выдержит осмотра вблизи.

Германия должна была бы достичь своей цели - окончательного выведения из строя морского господства Великобритании - другой, менее провокационной мерой. Именно здесь и именно в этих обстоятельствах произойдет третье непредвиденное обстоятельство, о котором, смею думать, ни один англичанин никогда и не мечтал, - он родится на поле битвы и крестит германского крестника при поддержке европейской дипломатии. Германия, преследуя свои собственные имперские цели и проводя великую мировую политику, могла бы успешно осуществить то, о чем Людовик XIV и Наполеон только мечтали. Ирландия, уже отделенная морем, удерживаемая немецкими военными кораблями, и временно оккупированная немецкой армией, вполне могла бы быть навсегда и бесповоротно отделена от Великобритании и с общего согласия превращена в нейтрализованное, независимое европейское государство под международными гарантиями. Независимая Ирландия сама по себе не представляла бы угрозы ни для каких европейских интересов. Напротив, превратить Ирландию в Атлантическую Голландию, а морскую Бельгию - было бы актом возвращения Европе этого наиболее благоприятствуемого природой из европейских островов, который Мирный конгресс, в конце концов, был бы рад ратифицировать по примеру победоносной Германии. Я ни на минуту не утверждаю, что Германия должна предлагать эту форму распада Соединенного Королевства в каких-либо интересах, кроме ее собственных, или для *прекрасного пола* Ирландии. Ее главной целью было бы открытие морей и их постоянное освобождение от того подавляющего контроля, который Великобритания осуществляла после уничтожения французского военно-морского флота, в значительной степени основанного, как должны понимать все военно-морские стратеги, на неоспоримом владении Ирландией.

То, что Ирландия - это прежде всего европейский остров, населенный европейцами, которые не являются англичанами, и которые на протяжении веков обращались к Европе и всему миру с просьбой помочь им перестать находиться под политическим контролем Англии, является историческим фактом. И поскольку воплощение этого исторического факта в практику европейской политики, несомненно, повлияло бы на главную цель державы-победительницы, очевидно, что после поражения Великобритании Германия вынесла бы ирландский вопрос на европейское решение в соответствии со своими морскими интересами и могла рассчитывать на поддержку подавляющей части европейского общественного мнения в поддержку урегулирования, навязанного этими интересами. И если политически и коммерчески независимое и нейтральное Ирландское государство зарекомендовало себя перед Европой, то по моральным и интеллектуальным соображениям претензии могли бы быть еще более высокими. Ничто, выдвинутое от имени Англии, не могло соответствовать заявлениям Германии о свободной Ирландии. Германия достигла бы своих целей как поборница национальной свободы и могла бы навсегда уничтожить военно-морское превосходство Англии актом безупречной морали. Соединенные Штаты, каким бы неприятным с одной точки зрения ни было поражение Англии, ничего не могли сделать, чтобы воспротивиться европейскому решению, которое могло бы дорого обойтись при немедленной поддержке влиятельных кругов — ирландцев и немцев — в пределах их собственных границ.

В любом случае Доктрина Монро пререзает оба пути, и если с самого начала Соединенные Штаты не будут втянуты в англо-германский конфликт, ясно, что решение Европейского

конгресса о создании нового европейского государства из очень древнего европейского народа не могло послужить основанием для американского вмешательства.

Мне не нужно больше вдаваться в подробности этого вопроса. Если англичане только пробудятся от сна, что Ирландия "принадлежит" им, а не ирландскому народу, и что этот великий и плодородный остров, населенный храброй, рыцарской и интеллектуальной расой (качества, которыми они, увы, обладают! сделали все возможное, чтобы изгнать с острова) — это часть недвижимости, которой они владеют и могут распоряжаться по своему усмотрению, они не могут не понимать, что ирландский вопрос больше не может оставаться безнаказанным, и что он далек от того, чтобы быть, как они сейчас думают, просто партийным вопросом — и даже не "внутренним вопросом" или вопросом, в котором колонии имеют право голоса, - он может за короткое время стать европейским вопросом.

С приближающимся исчезновением ближневосточного вопроса (который Англия ускоряет в ущерб Турции) все больше и больше сдерживаемых стран Центральной Европы могут обнаружить, что существует почти западный вопрос, и что Ирландия - свободная Ирландия — возвращенная Европе, является ключом к выходу из западного океана и открытию морских путей мира.

И снова мистер Гладстон приходит напомнить англичанам, что Ирландия, в конце концов, европейский остров, и что Европа имеет некоторое отдаленное отношение к этому вопросу.

"Я бы умолял англичан подумать, как бы они поступили с Ирландией, если бы вместо 5 000 000 человек у нее было 25 000 000; или если бы вместо того, чтобы быть помещенной между нами и океаном, ее поместили между нами и Континентом". (Заметки и запросы по ирландскому запросу, февраль 1887 г.) Хотя географическое положение островов друг по отношению к другу и к Европе не изменилось и не может измениться, политические отношения одного к другому, а следовательно, политические и экономические отношения обоих к Европе, миру и к международной торговле, а также военно-морская политика держав могут быть серьезно изменены силами, неподконтрольными Великобритании.

Изменения, вызванные скоростью и пропускной способностью парового судоходства, рост и видимая тенденция германской военно—морской мощи, а также растущие возможности воздушной навигации - все это объединяется, чтобы подчеркнуть предупреждение историка Нибура и указать Ирландии на возможное будущее восстановленного общения с Европой и все меньше и меньше на сохраняющуюся неправильность того искусственного отчуждения, в котором британская политика стремилась ее сохранить - "остров за островом".

Глава IX

ИМПЕРИЯ В ДРУГОМ МЕСТЕ

У каждого мужчины, родившегося в Ирландии, есть "наследственное досье" на противников английского господства, где бы они ни находились. Суд истории на его собственной земле закрыт для него; он должен обратиться в другой суд; он должен прислушаться к тем, кто творит историю в другом месте. Ирландцу отказано в праве иметь историю, как ему отказано в праве иметь страну. Он должен восстановить и то, и другое. Для него прошлого существует не больше, чем будущего. И если он поищет сведения о своей расе в единственных доступных ему школах или книгах, он обнаружит, что школа лишилась надежды, а слава исчезла из истории.

Покойного Джона Ричарда Грина, одного из величайших английских историков, привлекло в Ирландию благородное сочувствие к павшим, которое он разделял с очень немногими своими соотечественниками. Нам говорят, что он сочувствовал духу ирландской национальности. "Государство, - говорил он, - случайно; его можно создать или разрушить; но нация - это нечто реальное, что нельзя ни создать, ни уничтожить".

Когда-то он планировал написать историю Ирландии, "но отказался от этой идеи, потому что непрерывный рассказ о нищете и плохом управлении был слишком болезненным, чтобы размышлять об этом". Все удовольствие заключается в контрасте. История Ирландии не предлагает контраста; это история абсолютной неправды.

Здесь слишком много могил, и призраки еще не похоронены. С таким же успехом можно написать историю кладбища. За сорок лет до того, как Джон Ричард Грин объяснил таким образом, почему он отказался от плана кладбища, Виктор Гюго хлестнул Англию этим самым ремнем. "Ирландия превращена в кладбище; Польша отправлена в Сибирь; вся Италия на галеры — вот где мы находимся в ноябре 1831 года!"

Историю Ирландии еще предстоит написать, потому что цель Ирландии еще не достигнута. Вдова Джона Ричарда Грина заложила фундамент того храма надежды, в который должна войти молодежь Ирландии и принести присягу на верность задаче, которую ирландцам еще предстоит выполнить.

И поэтому, завершая дни 1913 года, я с надеждой приношу эти разрозненные мысли о Британской империи и ее приближающемся распаде, чтобы донести их до молодежи Ирландии. Я говорю о приближающемся роспуске намеренно, ибо признаки есть, и их нужно прочесть. "Самоуправление" не спасет ситуацию. Предпринимаемой сейчас попытки подкупить Ирландию и великую Ирландию за морями на сторону Другой Империи с помощью того, что было метко названо законопроектом о "отпускных билетах", будет недостаточно. Проблема находится в более сильных руках. Даже если бы две Ирландии были завоеваны благодаря пособию, которое сейчас предлагает подчиненный парламент в Дублине, у которого связаны руки так, что он должен быть бессилен для любых национальных усилий, "парламент", как говорит мистер Герберт Сэмюэл, "для местных дел ирландцев", есть другие, более могущественные учреждения, которые никакая мера примирения внутри Империи не сможет надолго привлечь к этой системе мировой эксплуатации с центром в Лондоне.

"Я бы позволил ирландцам иметь самоуправление, - сказал недавно мистер Уинстон Черчилль, - для их собственных идиотских дел". Но последнее слово принадлежало лорду Морли, "отцу Самоуправления". "Дайте им это, - сказал он в качестве дружеского частного совета, - дайте им это; пусть они в полной мере ощутят вкус своей собственной цивилизации на навозной куче".

Но последнее слово за всем этим скажет не лорд Морли или "Самоуправление", а страна и мириады народов, древнюю цивилизацию которых лорд Морли, как и все предыдущие вице-короли, стремился похоронить под навозной кучей британского господства в Индии и скрыть сами очертания древнего тела намеченных планов нового предназначения. Столицей Британской Индии должен стать "нью-Дели", запланированный в Уайтхолле, но оплаченный в Индии — апофеоз дерьма. "Новая Индия" вкратце разберется с "нью-Дели".

"Нетронутое, соленое, отчуждающее море" морального и духовного разделения разделяет имперскую концепцию, возвращенную в Британии, и растущую надежду миллионов людей, составляющих величайшую сферу ее империи.

Ирландию *можно* купить или подкупить, во всяком случае, в этом поколении, чтобы она отказалась от своих национальных идеалов и променяла стремление, которое не смогли убить шесть столетий контактов с Англией; но 350 000 000 индийцев никогда не будут ни куплены, ни подкуплены в конце концов.

Даже если Ирландия забыла бессмертные слова Граттана, произнесенные в подчиненном парламенте в 1780 году, эти слова найдут отклик в сердцах людей, которые никогда не слышали о Граттане. Ибо голос ирландского патриота был, по правде говоря, голосом всего мира — призывом к каждой аудитории, где бы ни собирались люди в поисках свободы. Пророчество Граттана, произнесенное от имени Ирландии, несомненно, исполнится, и это при жизни многих из нас, в той великой Ирландии, которую Англия удерживает в восточных морях тем же приливом набегов, завоеваний и грабежей, который подарил ей нашу собственную землю.

Замените Ирландию Индией, и Граттан 1780 года станет сегодняшним индийским патриотом.

"Я никогда не буду удовлетворен, пока у самого захудалого крестьянина в Ирландии звено британской цепи звенит в его лохмотьях; он может быть обнажен, он не будет закован в кандалы; и я вижу, что время близко; дух вознесся, декларация утверждена; и хотя великие люди должны отступить, все же дело будет жить; и хотя публичный оратор должен умереть, все же бессмертный огонь переживет орган, который его передал, и дыхание свободы, подобно слову святых людей, не умрет вместе с пророком, но пережить его".

Если бы Ирландия приняла предложенную сейчас взятку, она действительно оправдала бы упреки Уилфреда Бланта; но она стала бы чем-то иным, чем "орудием нападения в руках Англии на свободу всего остального мира"; она разделила бы, и по праву, участь паразитической опухоли, которая, так крепко обвившись вокруг своего ствола, с этой помощью достигла солнечного света. Британская империя - это не северный дуб. Это ползучее, вьющееся растение, которое закрепилось на ветвях других и выросло большим из сока, не принадлежащего ему. Если мы ищем аналогию этому в растительном, а не в животном мире, мы должны отправиться в леса тропиков, а не в северные редколесья. На огромных болотах в устье Амазонки натуралист Бейтс описывает чудовищную лиану, "Сипо матадор", или Лиану-убийцу, которая гораздо лучше, чем северный дуб, олицетворяет Джона Булля и то место, которое он завоевал под солнечным светом благодаря некогда сильным ветвям Ирландии.

Говоря о лесах вокруг Пара, Бейтс говорит: "В этих тропических лесах каждое растение и дерево, кажется, стремится превзойти своих собратьев, стремясь вверх, к свету и воздуху — ветви, листья и стебель - независимо от своих соседей. Растения-паразиты крепко цепляются за других, используя их с безрассудным безразличием как инструменты для собственного продвижения. Живи и давай жить другим - явно не та максима, которой учат в этих диких местах. Есть один вид деревьев-паразитов, очень распространенный вблизи Пара, который очень ярко проявляет эту особенность. Его называют "Сипо матадор", или Лиана-убийца. Он принадлежит к отряду фиговых, и был описан и изображен Фон Марциусом как Атлас к путешествиям Спикса и Марциуса. Я наблюдал много экземпляров. *Основание его ствола было бы неспособно выдержать вес верхнего побега*; поэтому оно вынуждено держаться на дереве другого вида. В

этом он существенно не отличается от других лазающих по деревьям и растениям, но то, как Матадор к этому приступает, своеобразно и, безусловно, производит неприятное впечатление. Он вырастает вплотную к дереву, на котором намеревается закрепиться, и древесина его ствола растет, распространяясь подобно пластиковой форме по одной стороне ствола его опоры. Затем он выпускает с каждой стороны по ветке, похожей на руку, которая быстро растет и выглядит так, как будто по ходу движения течет и затвердевает поток сока. Она плотно прилегает к туловищу жертвы, а две руки соединяются с противоположной стороны и сливаются воедино. Эти руки вытягиваются через несколько равных интервалов, поднимаясь вверх, и жертва, когда ее душитель полностью вырастает, оказывается плотно сжатой рядом негибких колец. Эти кольца постепенно увеличиваются по мере того, как Убийца процветает, поднимая к небу свою листву вперемешку с листвой своего соседа, и со временем они убивают его, останавливая выделение сока. Теперь остается странное зрелище: эгоистичный паразит сжимает в своих объятиях безжизненное и разлагающееся тело своей жертвы, которое помогало его собственному росту. Его цель достигнута — он расцвел и принес плоды, воспроизвел и распространил свой вид; и *теперь, когда мертвый ствол разлагается, приближается его собственный конец; его опора исчезла, и он сам тоже падает.*"

Эта аналогия едва ли не самая совершенная в литературе, и если мы не хотим, чтобы она стала совершенной в истории, мы должны избавиться от паразитарной хватки, пока нас не задушили окончательно. Если мы не хотим разделить надвигающуюся тьму, мы должны избавиться от власти убийцы, прежде чем убийца и жертва падут вместе. Это падение близко. Храбрая рука все же может зарубить "Сипо Матадора", и убийца будет убит прежде, чем он полностью задушит свою жертву.

Если эта рука не европейская, то пусть она придет, загорелая, острая и гибкая, из тропического покоя! Лесные птицы поднялись в воздух.

Регионы, о которых Цезарь никогда не знал, включая Гибернию, оказались под властью орлов, нет, стервятников имперской Британии. Но пасть льва полна.

В конце концов, объевшийся хищный зверь со всеми болезнями в его жилах, которые приносит переизбыток, обнаруживает, что его когти уже не такие острые, как раньше, что его живот становится намного тяжелее, когда он пытается прыгнуть, и что теперь он все еще пугает своих врагов главным образом своим голосом.

Английская империя берет свое начало со времен Тюдоров. Генрих VIII был первым Джоном Буллем. Когда завоеванные ирландцы и богатство, полученное от их богатой страны, Англия вознамерилась опустить на дно каждый свободный народ, у которого была страна, достойная вторжения, и который по причинам своего неимперского инстинкта не был готов встретиться с ней на равных. Индию она захватила теми же методами, что и Ирландию.

Массовый грабеж, предательство и лживость происходили в ее совете при смене губернаторов и вице-королей, чья политика была политикой капитана Кидда, и чьи предместья государства привели каждого местного принца на скользкую дорожку. Эта вещь имела самый колоссальный успех на земле. Не было найдено людей, способных противостоять такому сочетанию. Как могли народы, все еще питаемые верой в то, что какой-то прорицатель будет править умами людей, противостоять такой атаке?

На короткий промежуток времени Наполеон поднял голову; и если бы он обратил свой взор на Ирландию, а не на Египет, он узнал бы секрет пиратской цитадели. Но судьба распорядилась иначе; время еще не пришло. Он отплыл в Александрию, привлеченный мечтой, а не в Корк; и старые империалисты победили новых империалистов и обеспечили новое столетие беспрецедентного триумфа. Пирамиды смотрели сверху на Ватерлоо, но мысы залива Бантри скрывали господство и тайну морей.

С 1811 года началась эпоха Карла Мирного, не в меньшей степени, чем Джона Булля — по воскресеньям и в дни Святых церковный староста носил тарелку; в будние дни - грабитель, который ее поднимал. Поистине, как сказал Джон Митчел в "каторжнике халке": "Над английскими уголовными преступлениями солнце никогда не заходит". Пусть оно зайдет в 1915 году.

С момента падения Наполеона до битвы при Коленсо империя, основанная Генрихом VIII, разрослась до чудовищных размеров. Бесчисленные свободные народы обратились в прах и умерли с жалобными воплями, обращенными к небесам. Богатство Лондона увеличилось в тысячу раз, а гигантские отели и караван-сарай выросли благодаря усилиям миллионера и теперь могут соперничать с дворцами цезарей.

"В Божьем мире все в порядке" — и поэт и плагиатор, придворный и куртизанка, Киплинг и кант — все они теперь развлекаются на берегах Темзы и питаются за счет народов земли, точно так же, как когда-то дегенеративное население имперского Рима питалось за счет народов Пирамид. Но дело близится к концу. "Тайна империи" больше не является исключительным достоянием Англии. Другие народы учатся мыслить имперски. Готы и вестготы современной цивилизации уже на горизонте. Действие должно вскоре последовать за мыслью. В Лондоне, как и в Риме, будут странные гости. Они не будут оплачивать свои гостиничные счета. Их день еще не наступил, но он близок. Собрания "Самоуправления" и индийские "Законодательные советы" могут продлить темноту; но на небе уже забрезжил рассвет. И с падением империи Тюдоров Ирландия и Индия спасутся от разрушения и снова присоединятся к свободным цивилизациям земли.

Лесные птицы поднялись в воздух.

Именно Империя на этих проливах обращается к Америке, через Ирландию, чтобы спасти ее. И цена, которую она предлагает, — война с Германией. Франция может служить какое-то время, но Франция, как и Германия, находится в Европе, и, в конце концов, Англия нападает на всю Европу, а не только на Германию. Постоянное ограничение представителей белой расы, в отличие от англосаксонской разновидности, может быть достигнуто только при активной поддержке и тесном союзе американского народа. Эти люди сегодня, к несчастью, республиканцы и свободные люди, и у них нет недоброжелательства к Германии и явного отвращения к империализму. На самом деле это не у них в крови. Эта кровь в основном ирландская и немецкая, кровь людей, не отличавшихся в прошлом успешным пиратством и скорее пристрастившихся к мирным путям. Войны, которые вела Германия, были войнами обороны или войнами за достижение единства ее народа. Ирландские войны велись только против одного врага и, всегда заканчиваясь материальной катастрофой, всегда приносили моральную выгоду. Память о них возвышает сердце ирландцев; ибо ни одна нация, ни один

народ не может упрекнуть Ирландию в том, что она причинила им зло. Она не причинила вреда ни одному человеку.

И теперь, в наши дни, именно к великой свободной расе этого общего происхождения миролюбивых народов, населяющей другой континент, обращаются все средства искусной дипломатии, в любых обличьях, кроме истинных, с призывом помочь врагу обоих и главному возмутителю спокойствия старого света. Тюремщик Ирландии ищет ирландско-американскую поддержку, чтобы удержать Ирландию в тюрьме; интриган против Германии добился бы немецко-американской доброй воли против ее материнской компании. Не может быть мира для человечества, не может быть предела интригам, затеянным с целью обеспечить Великобритании "господство на морях".

Если "Америка" только посмотрит на вещи правильно, как подобает хорошему "англосаксонскому" народу, она займет свое место рядом, нет, даже немного впереди Джона Булля в "разграблении земли". Если бы "Англосаксонский союз" когда-либо был заключен, это было бы величайшим преступлением в истории человечества. Главная партия, стремящаяся к этому союзу, имеет в виду, что он представляет собой постоянную угрозу народам Европы, более того, всему человечеству за пределами союзнических рядов. И вместо того, чтобы принести мир, это, несомненно, приведет к самому отвлекающему и катастрофическому конфликту, который когда-либо обагрят мир кровью.

Джон Булл теперь стал великим артистом эстрады, тем, кого, по правде говоря, бесконечное разнообразие задержаний не может утомить больше, чем таможенники могут арестовать багаж артиста.

В один момент "Король рубашек" подвергается судебному преследованию за продажу дешевого хлопка под видом "Ирландского льна" в Лондоне; в следующий он высаживает "Короля раздувателей" в Нью-Йорке, предлагая мелкую рыбу как нечто, очень похожее на кита. И предложение в обоих случаях сделано на языке Шекспира.

Этот язык имеет бесконечное применение; из Китая он звучит как "призыв к молитве", и вот, Книга Дивидендов открывается на нужном тексте. Если бы Булла когда-нибудь поймали с поличным и перевели с международной торговли опиумом на сбор пакли и беговую дорожку, мы услышали бы, как он воскликнул, скрываясь из виду: "Смотрите, как я плету нити демократической судьбы, поднимаясь по золотой лестнице".

Роли бесконечны! В Ирландии - превращение ирландцев в скот; в Англии - превращение ирландского скота в людей; в Индии и Египте - подавление местной прессы; в Америке - субсидирование неместной прессы; язык Шекспира имеет бесконечное применение. Он браконьерствовал только на оленей — это означало бы браконьерство на дредноутах. Сточные воды Темзы разливаются по всему миру, и канализация все еще работает. Наказание за загрязнение Темзы велико; но награда за загрязнение Миссисипи еще выше; источники глубин, господство над великими водами - вот к чему стремится Джон Булл на берегу "Отца Вод".

Закат угасающей Империи превратит эти воды в кровь. Британская империя не была основана в мирное время; как же тогда она может быть сохранена миром или обеспечена мирными договорами? Она родилась в результате грабежа и пролития крови и поддерживалась и тем, и другим; и теперь она не может быть обеспечена общим языком так же, как и общей Библией. Земли, называемые Британской империей, принадлежат многим расам, и только мечом, а не

Книгой мира или каким-либо пактом о мире можно удержать эти расы от владения их собственными странами.

"Англосаксонский союз" означает соглашение, направленное на обеспечение рабства и развязывание войны. Люди, которые вели величайшую войну в современной истории за освобождение рабов, вряд ли начнут величайшую войну во всей истории за то, чтобы породить рабов.

Пусть в Америке станет известна правда о том, что Англия хочет превратить великую Республику свободных людей в имперского союзника великой Империи купленных людей, и в этот день "Англосаксонский союз" уступит место Декларации независимости.

Настоящий союз, к которому должны стремиться все, кто любит мир, - это дружественный союз Германии, Америки и Ирландии. Это настоящие Соединенные Штаты мира.

Ирландия, связующее звено между Европой и Америкой, должна быть освобождена обеими сторонами.

Лишенная сегодня свободного общения ни с тем, ни с другим, она, тем не менее, формирует в великих замыслах Провидения естественную связь, соединяющую старый и новый мир.

Май 1915 года положит начало этому — настоящему Столетию Мира!